

КОНСТАНТИН РОМАНОВ. ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

Из цикла "У берегов"

Задремали волны,
Ясен неба свод;
Светит месяц полный
Над лазурью вод.

Серебрится море,
Трепетно горит...
Так и радость горе
Ярко озарит.

Орианда
Май 1879

ЗАТИШЬЕ

Голубые покоились волны,
Голубой свод небесный дремал...
В мертвом сне цепenea, безмолвный
Час томительный полдня настал.
Застывала, палима лучами,
Раскаленная почва земли,
Трепетала лишь чайка крылами
И вилась, и кружилась вдали...
Притупилися все ощущенья,
Все застыли волненья в груди,
И душа, забывая стремленья,
Ничего не ждала впереди.
Лишь испуганно, где-то глубоко
В задремавшем уме притаясь,
О минувшем мечта одиноко
Трепетала, кружилась, вилась...

Афины
23 декабря 1882

* * *

С. А. Философовой

Вы помните ль? Однажды, в дни былые,
К пруду мы с вами в полдень забрели,
В воде играли рыбки золотые
И белые кувшинчики цвели.
Мы на скамью уселись с вами рядом,
Рассеянно следя усталым взглядом
Игривый пестрых бабочек полет...
Над нами зеленел тенистый свод
И, липовым нас цветом осыпая,
Затейливую сетью рисовал
Узоры по песку; благоухая,

Куст алых роз вблизи нас расцветал...
И так тепло, и солнечно так было!
Без слов мы наслаждались тишиной, -
Но сердце все ж сжималось и ныло,
Как бы перед грозящею бедой.
И предвкушая будущие муки,
Душа, робея, торопилась жить,
Чтоб близость неминуемой разлуки,
Хоть на одно мгновенье, отдалить.

Афины
30 марта 1883

* * *

Умолкли рыдания бури кипучей,
Клокочущей бездны волна улеглась;
Опять выплывает луна из-за тучи,
Над гладью морской тишина разлилась.

В борьбе непрестанной с мятежною страстью
Опять побежден ненасытный недуг,
И с новою силой, и с новою властью
Воспрянет опять торжествующий дух!

Красное Село
2 июля 1883

* * *

Затишье н_а_ море... За бурю строптивой
Настала мертвая, немая тишина:
Уж выбившись из сил, как вяло, так лениво,
Едва колышется усталая волна.

Затишье н_а_ сердце... Застыли звуки песен,
Тускнея, меркнет мысль, безмолвствуют уста,
Круг впечатлений, чувств так узок и так тесен, -
В душе холодная такая пустота.

Но налетит гроза и дрогнут неба своды,
Заблещут молнии, и разразится гром,
И грозный ураган на дремлющие воды
Дохнет властительным, победным торжеством.

Так минет наконец пора дремоты косной,
Унылая душа воспрянет ото сна,
И снова грянет песнь моя победоносно, -
И потечет стихов созвучная волна!

Венеция
16 апреля 1885

* * *

Озеро светлое, озеро чистое,
Гладь, тишина и покой!
Солнце горячее, солнце лучистое
Над голубою волной!
О, если б сердце тревожное, бурное
Так же могло быть светло,
Как это озеро в утро лазурное,
Только что солнце взошло!

Фридрихсгафен
27 сентября 1887

У ОЗЕРА

М. Д. Давыдову

Усталый сын земли, в дни суетных забот,
Средь мелочных обид и светского волненья,
У озера в лесу ищу уединенья.
Не налюбуйшься прозрачной гладью вод:
В ней словно тайная есть сила притяженья.
Не оттого ль меня так к озеру влечет,
Что отражается в струях его порою
Вся глубина небес нетленною красою -
И звезд полуночных лучистый хоровод,
И утро ясное румяною зарею,
И светлых облаков воздушная семья?
Не оттого ль, что здесь, хоть и пленен землею,
К далеким небесам как будто ближе я?

Близ станции Белой
5 октября 1889

НА ИМАТРЕ

I

Ревет и клокочет стремнина седая
И хлещет о звонкий гранит,
И влагу мятежную, в бездны свергая,
Алмазною пылью дробит.

На берег скалистый влечет меня снова.
И любо, и страшно зараз:
Душа замирает, не вымолвить слова,
Не свесть очарованных глаз.

И блеск, и шипенье, и брызги, и грохот,
Иная краса каждый миг,
И бешеный вопль, и неистовый хохот
В победный сливаются клик.

Весь ужаса полный, внимая, гляжу я, -
И манит, и тянет к себе
Пучина, где воды, свирепо бушует,
Кипят в вековечной борьбе.

10 мая 1890

II

Над пенистой, бурной пучиной
Стою на крутом берегу,
Мятежной люблюсь стремниной
И глаз оторвать не могу.

Нависшими стиснут скалами,
Клокочет поток и бурлит;
Сшибаются волны с волнами,
Дробясь о недвижный гранит.

И рвутся, и мечутся воды
Из камня гнетущих оков,
И молит немолчно свободы
Их вечный неистовый рев.

О, если б занять этой силы,
И твердости здесь почерпнуть,
Чтоб смело свершать до могилы
Неведомый жизненный путь;

Чтоб с совестью чистой и ясной,
С открытым и светлым челом
Пробиться до цели прекрасной
В бореньи с неправдой и злом.

Иматра
5 августа 1907

У БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

I

И. А. Зеленому

Здесь не видно цветов, темный лес поредел,
Словно чарам земли здесь положен предел.
Над пустынной, песчаною гранью
Отдаешься здесь волн обаянью.

Глубь небесная, моря безбрежная даль,
Разве может ничтожная сердца печаль
Обладать просветленной душою
Пред могучею ширью такую?

Сладко взором тонуть в глубине голубой,
Вольно дышится, мир забываешь земной,

Исчезает мгновенное горе,
Как та чайка в лазурном просторе.

Усть-Нарова
25 августа 1890

II

Барону К. Н. Корфу

Не вчера ли, о, море, вечерней порой
К берегам ты ласкалось лукавой волной?
В алом блеске зари не вчера ли
Небеса голубые сияли?

А сегодня косматой грядою валы,
В грозном беге крутясь у прибрежной скалы,
Бурно рвутся на приступ могучий,
Обгоняя свинцовые тучи.

В битве жизни не так ли и ты, человек,
Терпишь зол и гонений мятежный набег?
Но не вечны страданья и беды:
Ты дождешься над ними победы.

Верь, улягутся волны и завтра опять
Будут берег любовно и нежно ласкать,
Просветлеют небесные дали,
И рассеются сердца печали.

Вайвара
28 августа 1890

III

Ты безмолвно, затихшее море,
Ты безбрежен, привольный простор.
Как от шумного, тесного света
Здесь и слух отдыхает, и взор!

Но надолго ли это затишье,
И всегда ли ясна эта даль?
Как и в сердце, живут, чередуясь,
В мире радость и злая печаль.

Миг - и море взревет, даль померкнет,
Волны яростно ринутся в бой,
И под черною тучей белея
Крылья чайки заспорят с грозой.

Ты не та же ли чайка, о, сердце?
Долго ль тишью пленяться тебе?
Грянет гром, разбушуется буря -
Будь готово к отважной борьбе.

Стрельна

19 июня 1902

ЭЛЕГИИ

I

Орианда

Я посетил родное пепелище -
Разрушенный родительский очаг,
Моей минувшей юности жилище,
Где каждый мне напоминает шаг
О днях, когда душой светлей и чище,
Вкусив впервые высшее из благ,
Поэзии святого вдохновенья
Я пережил блаженные мгновенья.

Тогда еще был цел наш милый дом.
Широко сад разросся благовонный
Средь диких скал на берегу морском;
Под портиком фонтан неугомонный
Во мраморный струился водоем,
Прохладой в зной лаская полуденный,
И виноград, виясь между колонн,
Как занавескою скрывал балкон.

А ныне я брожу среди развалин:
Обрушился балкон; фонтан разбит;
Обломками пол каменный завален;
Цветы пробилась между звонких плит;
Глицинией, беспомощно печален,
Зарос колонн развечанных гранит;
И мирт, и лавр, и кипарис угрюмый
Вечнозеленую объяты думой.

Побеги роз мне преградили путь...
Нахлынули гурьбой воспоминанья
И тихой грустью взволновали грудь.
Но этот край так полн очарованья,
И суждено природе здесь вдохнуть
Так много прелести в свои созданья,
Что перед этой дивною красой
Смирится я плененною душой.

Орианда - Вильдунген
10 августа 1908

II

Осташево

Люблю тебя, приют уединенный!
Старинный дом над тихою рекой
И бело-розовый, в ней отраженный
Напротив сельский храм над крутизной.
Сад незатейливый, но благовонный,

Над цветом липы пчел гудящий рой;
И перед домом луг с двумя прудами,
И островки с густыми тополями.

Люблю забраться в лес, поглубже в тень;
Там, после солнцем залитого сада,
Засушным летом, в яркий знойный день
И тишина, и сумрак, и прохлада...
Люблю присесть на мхом обросший пенек:
Среди зеленой тьмы что за отрада,
Когда в глаза сверкнет из-за деревьев
Река, зеркальной гладью заблестев!

Под ельника мохнатыми ветвями
Таинственный, суровый полумрак.
Ковер опавшей хвои под ногами;
Она мягка и заглушает шаг.
А дальше манит белыми стволами
К себе веселый, светлый березняк
С кудрявою, сквозистую листвою
И сочною, росистою травкою.

Схожу в овраг. Оттуда вверх ведет
Ступенями тропа на холм лесистый;
Над нею старых елей мрачный свод
Навис, непроницаемый, ветвистый,
И потайной пробился в чаще ход.
Там аромат обдаст меня смолистый.
В густой тени алеет мухомор
И белый гриб украдкой дразнит взор.

Другой овраг. Вот мост желтеет новый.
С него взберусь опять на холм другой,
И прихожу, минуя бор сосновый,
К ответному обрыву над рекой.
Мне видны здесь: отлив ее свинцовый,
Далекий бег и заворот кругой,
Простор, и гладь, и ширь, и зелень луга
Прибрежного напротив полукруга.

А вдалеке на берегу наш дом
С колоннами, классическим фронтоном,
Широкой лестницей перед крыльцом,
Двумя рядами окон и балконом.
- Смеркается. Малиновым огнем
Река горит под алым небосклоном.
Уж огонек между колонн в окне
Из комнаты моей сияет мне.

Домой, где ждет пленительный, любимый
За письменным столом вседневный труд!
Домой, где мир царит невозмутимый,
Где тишина, и отдых, и уют!
Лишь маятник стучит неутомимый,
Твердя, что слишком скоро дни бегут...
О, как душа полна благодаренья

Судьбе за благодать уединенья!

Осташево
20 августа 1910

III

В Крым

Княгине З. Н. Юсуповой

Навстречу птицам перелетным
На дальний юг стремились мы
Из царства северной зимы
К весны пределам беззаботным.

Небес полдневных глубины
Чем дальше, тем ясней синели;
Алмазней звезды пламенели
Среди полночной тишины.

И все обильнее цветами,
Благоуханьем и теплом
Весна дарила с каждым днем,
Лаская нежными лучами.

Пустынных гор последний кряж
Нас отделял еще от цели;
Вдали ворота зачернели,
Все ближе, ближе... О, когда ж!

Мы трепетно переступали
Порог скалистый... Наконец!..
В нас сердце замерло... Творец!
Не сон ли это, не мечта ли?

У наших ног обрыв кругой,
А впереди - неизмеримый,
Безбрежный, необозримый,
Лазоревый простор морской.

Неописуемое море,
Лицом к лицу перед тобой,
Пред этой дивной красотой
Не всякое ль забудешь горе!

Кореиз
27 апреля 1911

IV

Из Крыма

Баронессе Н. Ф. Майендорф

Необъятное южное море,

Млея в золоте жарких лучей,
Ты надолго сокроешься вскоре
Из плененных тобою очей.

К морю севера путь мой, к печальным
Побережьям туманов и бурь;
И объемлю я взором прощальным
Беспредельную даль и лазурь.

За скалистой исчезла горою
Бирюзовая гладь... О, прощай,
Зачарованный вешней порою
Благодатный полуденный край!

Не видать уж лиловых глициний,
Кипарисов, повитых плющом,
По горам стройных кедров и пиний,
И фиалок над звонким ключом.

Но мой север, мой край полуночный
Мне сулит вместо лавров и роз
Милых ландышей цвет непорочный
И душистую свежесть берез.

И спешу я от знойной и темной
Красоты пышнозвездных ночей
В край родной, где заря в неге томной
Во всю ночь не смыкает очей.

Павловск
21 мая 1911

Из цикла "Библейские песни"

ПСАЛМОПЕВЕЦ ДАВИД

О, царь, скорбит душа твоя,
Томится и тоскует!
Я буду петь: пусть песнь моя
Твою печаль врачует.

Пусть звуков арфы золотой
Святое песнопенье
Утешит дух унылый твой
И облегчит мученье.

Их человек создать не мог,
Не от себя пою я:
Те песни мне внушает Бог,
Не петь их не могу я!

О, царь, ни звучный лязг мечей,
Ни юных дев лобзанья
Не заглушат тоски твоей
И жгучего страданья!

Но лишь души твоей больной
Святая песнь коснется, -
Мгновенно скорбь от песни той
Слезами изольется.

И вспрянет дух унылый твой,
О, царь, и торжествуя,
У ног твоих, властитель мой,
Пусть за тебя умру я!

Татой (близ Афин)
Сентябрь 1881

ЦАРЬ САУЛ

Душа изнывает моя и тоскует, -
О, пой же мне, отрок мой, песню твою:
Пусть звуки ее мою скорбь врачуют, -
Я так твои песни святые люблю!

Гнетуг меня злобного духа объятья,
Опять овладело уныние мной,
И страшные вновь изрыгают проклятья
Уста мои вместо молитвы святой.

Томлюся я, гневом пылая, и стражду,
Недугом палимая мучится плоть,
И злоба в душе моей... Крови я жажду,
И тщетны усилия зло побороть.

Не раз, жалом немощи той уязвленный,
Тебя мог убить я в безумном бреду.
О, пой же! Быть может, тобой исцеленный,
Рыдая, к тебе я на грудь упаду!..

Петербург
15 мая 1884

ЛЕГЕНДА ПРО МЕРТВОЕ МОРЕ

В знойной степи, у истока священной реки Иордана,
В каменных сжато объятиях скал, раскаленных полуднем.
Чудно синяя, безмолвно покоится Мертвое море.
Мрачной пустыни бесплодная почва безжизненна, скудна.
Издали волн заколдованных гладь голубую завидев,
В ужасе зверь убегает; пугливо небесные птицы
С жалобным криком спешат улететь от проклятого места;
Змеи одни обитают в глубоких расщелинах камней;
Лишь бедуин одинокий, копьём тростниковым махая,
Быстрым конем уносимый, промчится песчаным побережьем.
Тайны зловещей печать тяготит над страной забвенья.
Древнее ходит сказанье про это пустынное море:
Лишь только звезды златые зажгутся в безоблачном небе,

Тьмою огней отражаясь в заснувших лазоревых волнах,
Лишь в вышину голубую серебряный выплывет месяц, -
Вдруг просветляется влажное лоно прозрачной пучины;
Сноп белоснежных лучей всю глубокую бездну морскую
С глади незыблемой вод и до самого дна проникает.
Там, в глубине, озаренные блеском полночного неба,
Груды развалин толпятся в безжизненном древнем величье;
Словно как трупы недвижимые, в мертвенном сне цепenea,
Эти обломки морское песочное дно покрывают...
- Это Содом и Гоморра... Господь их порочное племя
В оные дни покарал за великие, тяжкие вины.
Долготерпенья превечного Бога исполнилась мера:
Огненный дождь ниспослал Он на царство греха и разврата:
Недра земные разверзлись и те города поглотили;
Бездну провала залили морские соленые воды...
Там, где был край многолюдный, подобно великой могиле,
Ныне, синяя, безмолвно покоится Мертвое море.

Палермо
15 февраля 1882

СФИНКС

В знойной пустыне веками покоится сфинкс полногрудый,
Гордо главу приподняв и очей неподвижные взоры
В даль устремив беспредельную... Только песчаные груды
Всюду вокруг разостлалися в необозримом просторе...
- Кем ты воздвигнут, незыблемый страж раскаленной пустыни?
Кто твои мощные члены изваял рукой безыскусной?
Что за значение придал твоей он недвижимой твердыне?
И отчего улыбаешься ты так загадочно-грустно?
Древнее ходит сказанье о том, как в Египет бежала
Божия Мать с Младенцем Божественным из Палестины.
Был утомителен путь. С голубой вышины обливало
Знойное солнце лучами поверхность песчаной равнины.
Между гранитными лапами сфинкса Она приютилась;
Идол, своими объятьями тень расстилая над Нею,
Зной умерял нестерпимый. И вот незаметно спустилась
Тихая звездная ночь, безмятежно, спокойно синяя.
Сладостным сном позабылася Мать у подножья кумира,
И на руках у Нея Искупитель покоился мира...
Сфинкс ощутил неземного Создания прикосновенье,
И улыбнулся он, тайну пытаясь постичь искупленья...
Не оттого ли, поведай, пустыни жилец одинокий,
Не оттого ли еще до сих пор отпечаток глубокий
Той неразгаданной тайны твои сохраняют черты,
И через много веков еще все улыбаешься ты?

Афины
9 января 1883

ИЗ АПОКАЛИПСИСА

И. А. Зеленому

...Се стою при дверехъ и толку:
аще кто оуслышитъ гласъ мой, и
сотверзетъ двери, вниду къ нему,
и вечераю съ нимъ, и той мною.

III 20

Стучася, у двери твоей Я стою:
Впусти Меня в келью свою!
Я немощен, наг, утомлен и убог,
И труден Мой путь и далек.
Скитаюсь Я по миру беден и нищ,
Стучуся у многих жилищ:
Кто глас Мой услышит, кто дверь отопрет,
К себе кто Меня призовет, -
К тому Я войду и того возлюблю,
И вечерю с ним разделю.
Ты слаб, изнемог ты в труде и борьбе, -
Я силы прибавлю тебе;
Ты плачешь, - последние слезы с очей
Сотру Я рукою Моей.
И буду в печали тебя утешать,
И сяду с тобой вечерять...
Стучася, у двери твоей Я стою,
Впусти Меня в келью свою!

Усть-Нарова
Август 1883

II

Я новое небо и новую землю увидел...
Пространство далекое прежних небес миновало,
И прежней земли преходящей и тленной не стало,
И моря уж нет... Новый город священный я видел,
От Бога сходящий в великом, безбрежном просторе,
Подобный невесте молодой в подвенечном уборе,
Невесте прекрасной, готовой супруга принять.
"Се скиния Бога с людьми. Обитать
"Здесь с ними Он будет". - Я слышал слова громовые:
"Сам Бог будет Богом в народе Своем,
"И всякую с глаз их слезу Он отрет. И земные
"Печали исчезнут. В том граде святом
"Не будет ни плача, ни вопля, ни горьких стенаний,
"Не будет болезни, ни скорби, ни тяжких страданий,
"И смерти не будет. Таков Мой обет;
"Прошло все, что было, и прежнего нет".

Петербург
6 марта 1884

ПРИТЧА О ДЕСЯТИ ДЕВАХ

Се жених градеть въ полунощи,
и блаженъ рабъ, егоже обращеть
бдаша: не достоинъ же паки, егоже
обращеть оунывающа.

Тропарь

Они засветили лампы свои;
На встречу они Жениху поднялися толпою
На радостный праздник любви.
Их пять было мудрых и пять неразумных.
Уж тьмою

Бесчисленных звезд небеса заблестали, -
Но медлил Жених. Долго девы прождали;
Уж сон безмятежный спустился на них,
И дремой смежились усталые очи.
Внезапно в немой тишине полуночи
Послышался клик: "Се Жених
"Трядет! Исходите на встречу!" И девы восстали,
Спеша полуночный исполнить обряд.
Елеем пять мудрых лампы свои напитаи,
И так неразумные им говорят:
"Мы н_е_ взяли, сестры, еля с собою,
"Светильников пламень угас,
"И ныне мы к вам приступаем с мольбою,
"Еля мы просим у вас".
Им мудрые молвят в ответ: "Хоть помочь мы и рады,
"Но только ни вам неостанет, ни нам на лампы;
"Купить у торгующих вы бы могли".
И вот к продающим спешат неразумные девы...
Тогда раздался веселья напевы:
Жених приближался. С Ним вместе вошли
Пять мудрых на свадебный пир со своими
Лампадами. И затворилися двери за ними.
И прочие девы к закрытым дверям
Вернулись. Стеная и плача, они восклицали:
"Отверзи, о, Господи, Господи, нам!"
И слышат в ответ в неутешной печали
Они Жениха укоризненный глас:
"Аминь, говорю вам, не ведаю вас!"

Красное Село
11 июля 1884

Из цикла
"Послания и стихотворения на разные случаи"

НА ПОРОГЕ ЖИЗНИ

I

Великому Князю Георгию Михайловичу

Дверь распахнулась... Облитый лучами
Зеленый сад благоухал;

Широкий путь, усеянный цветами,
В даль голубую убежал.

Из тесноты докучливой и душной
Ты в жизнь привольную вступил,
И свет заманчивый тебе радушно
Свои объятия раскрыл.

Дверь распахнулась... С Богом, отрок милый,
Пускайся смело в дальний путь
И полн отваги, полн надежд и силы
Неустршим и крепок будь!

Красное Село
11 августа 1883

II

Великому Князю Александру Михайловичу

Что корабль под всеми парусами,
Гавань тихую забыв,
Уносимый буйными ветрами
Мчится смел и горделив
В голубом потешиться просторе
С прихотливою волной, -
Ты стремишься в жизненное море,
Увлекаемый судьбой.
В добрый час! Не бойся урагана,
Перед бурей не робей,
Не страшись ни мели, ни тумана,
Ни обманчивых зыбей!
Смелым Бог владеет: полон силы,
Полн отваги юной будь,
Не бросай надежного кормила
И держи прямее путь.
Чист душой стремись неустршимо
Полон веры в подвиг свой
И борись, борись неутомимо
С бурной жизненной волной!

Мраморный дворец
1 апреля 1886

А. Н. МАЙКОВУ

I

В ответ на его письмо с новыми стихотворениями

Опять твое раздалось пение,
Опять звучит нам песнь твоя!
К ней, очарован, в восхищенье
Опять прислушиваюсь я.

Забыта вновь юдоль земная,

Я будто слышу твой призыв,
И, словно крылья расправляя,
Вмиг восторженувшись и ожив,

Душа и просится, и рвется
В те неземные высоты,
Откуда голос твой несется,
Туда, откуда манишь ты.

О, пой нам! Пой не умолкая
С той высоты, чтоб и опять
Я в этой дивной песне рая
Мог вдохновенье почерпать.

Мраморный дворец
23 февраля 1887

II

На пятидесятилетие его писательской деятельности
30 апреля 1888

Твоя восторженная лира
И песни чистые твои
Нам проливали звуки мира,
Добра, надежды и любви.

Ты черни ветреной в угоду
Себе, певец, не изменял,
Свою священную свободу
Страстям толпы не подчинял;

Ты пел в течение полвека,
Бессмертья лаврами увит,
Ту песнь, что душу человека
И возвышает, и живит.

О, если б струны эти пели
Нам долго, долго твой завет,
Как несравненной должен цели
Быть верен истинный поэт!

Мраморный дворец

А. А. ФЕТУ

I

Отважно пройдена дорога,
И цель достигнута тобой:
Ты, веря в доброе и в Бога,
Свершил высокий подвиг свой.

И ныне следом за тобою
Пуститься в путь дерзаю я;
Пусть пугеводною звездой
Сияет вера мне твоя.

А ты, испытанный годами,
Не унывающий боец,
Ты, убежденный сединами,
Венчанный славою певец,

Меня, возвращенного судьбою
В цветах, и счастье, и любви,
Своей дряхлеющей рукою
На трудный путь благослови.

Мраморный дворец
29 марта 1887

II

На пятидесятилетие его писательской деятельности
28 января 1889

Есть помыслы, желанья и стремленья,
И есть мечты в душевной глубине:
Не выразить словами их значенья,
Неведомы таятся в нас оне.

Ты понял их: ты вылил в песнопенья
Те звуки, что в безгласной тишине
Пленяют нас, те смутные виденья,
Что грезятся лишь в мимолетном сне.

Могучей силой творческого духа
Постигнув все неслышное для уха,
Ты угадал незримое для глаз.

И сами мы тех сердца струн не знали,
Что в сладостном восторге трепетали,
Когда, чаруя, песнь твоя лилась.

Мраморный дворец
25 января 1889

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

На пятидесятилетие
его писательской деятельности
10 апреля 1887

Незабвенных поэтов бессмертную лиру
Унаследовал ты, о, певец!
Ты ревниво и свято сберег ее миру
И стяжал себе славы венец.

В чутких струнах будила волшебные звуки
Вдохновенная песня твоя,
То врачую сердец сокровенные муки,
То веселье и радость лия.

Лишь во имя того, что светло и правдиво,
Что волнует восторгами грудь,
Лишь во имя добра ты всю жизнь терпеливо
Свой тернистый прокладывал путь.

И за то, что завет тех певцов незабвенных
Ты исполнил, трудясь и любя,
Никогда в песнопеньях твоих вдохновенных
Не забудет отчизна тебя.

Мраморный дворец

НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ А. А. МОЙРА

Одной прекрасною душою
Меж нами менее опять, -
Она рассталася с землею,
Чтобы бессмертие принять.

Она из мира слез и тленья
Переселилася туда,
Где ждет ее упокоенье
От mnogой скорби и труда.

Но в небесах не позабудет
Она земной юдоли сей:
За нас, горюющих по ней,
Она молитвенницей будет.

Сарагосса
31 октября 1887

ВДОВЦУ

А. А. Цицовичу

Блеск и сиянье сменило ненастье,
Осень сгубила все наши цветы...
Где твое первое, светлое счастье?
Где молодые мечты?

Горе подкралось с той грозною тучей:
Льются дожди, - льются слезы твои;
Их проливаешь струею горячей
Ты о погибшей любви.

Плачь, и рыдай, и печалься, и сетуй!
Но да не молвят хулений уста;
С верой из мрака стремися ты к свету,
Бремя подъемля креста.

Минет зима... И цветы, и сиянье
С юной весною увидишь ты вновь:

Верь же в грядущую радость свиданья!
Верь, что воскреснет любовь!

Штадтгаген
(Княжество Шаумбург-Липпе)
28 ноября 1887

И. А. ГОНЧАРОВУ

Венчанный славою нетленной,
Бессмертных образов творец!
К тебе приблизиться смиренно
Дерзал неопытный певец.

Ты на него взглянул без гнева,
Своим величьем не гордясь,
И звукам робкого напева
Внимал задумчиво не раз.

Когда ж бывали песни спеты,
Его ты кротко поучал;
Ему художества заветы
И тайны вечные вещал.

И об одном лишь в умиленье
Он ныне просит у тебя:
Прими его благодаренье
Благословляя и любя!

Гатчина
31 декабря 1887

ЖЕНИХУ

На помолвку Великого Князя Павла Александровича

Ты томился всю ночь до рассвета,
Погруженный в тревожные сны;
Долго, долго прождал ты расцвета
И улыбки душистой весны.

Но настал этот день светозарный,
Солнце счастья взошло над тобой,
И за яркость весны благодарный,
Просиял ты расцветшей душой.

Весь в лучах, в этот миг просветленья,
В ослепительном блеске зари
Ту, чья жизнь - лишь твоей отраженье,
Ты любовью своей озари,

Чтоб на ней все яснее и жарче
Разгорался твой радостный свет,
Чтоб любви все пышнее и ярче
Распускался пленительный цвет!

Мраморный дворец
30 октября 1888

А. Г. РУБИНШТЕЙНУ

На пятидесятилетие его музыкальной деятельности

Игры упоительной звуки текли.
Мы в нежном восторге внимали.
Все радости неба, все горе земли
Те звуки в себе отражали.

Пленять нас и трогать им было дано:
Пред ними стихали сомненья,
И было так много обид прощено
И пролито слез умиленья!

О, пусть нас уносит волшебной игрой
Туда, в те надзвездные дали,
Где нет ни вражды, ни тревоги земной,
Ни зла, ни борьбы, ни печали!

Павловск
17 ноября 1889

ГРАФУ П. Д. БУТУРЛИНУ

в ответ на его "Двенадцать сонетов"

Когда певучие твои звучат сонеты,
Мне мнится, что на миг взвились края завес,
Сокрывших славный век художества чудес,
Любовью к вечному, к прекрасному согретый.

О, как далек тот век! И где его поэты?
Где незабвенные избранники небес?
Не их ли дух, певец, в твоём стихе воскрес
За то, что набожно ты их хранишь заветы?

Не изменяй же им! Верь в светлый идеал,
Что, как звезда, тебе путь жизни осиял,
Звезда, какой была Лаура для Петрарки!

Люби, как он любил; как он, пой до конца,
Чтоб звучный, словно гром, и, словно молния, яркий
Твой стих восторгами воспламенял сердца!

Контрксевиль
18 мая 1892

НА ДВУХСОТЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М. В. ЛОМОНОСОВА

Среди полночных диких скал

При блеске северных сияний
Его томила жажда знаний
И свет науки привлекал.
Еще над русскою землею
Невежества царила ночь,
И долго, долго перевозмочь
Ее он силился мечтою.
Его пленяло с ранних пор
Величье северной природы:
Двины стремительные воды
И моря Белого простор,
И в необъятном океане
Плавучие громады льдин,
И блеск алмазный их вершин
В золото-пурпурном тумане,
И ночь, забывшая зимой
Про утра свет, про вечер ясный,
И беззакатный день прекрасный
Цветущей летнею порой.

Юношей, светлой надеждой манимым,
Зимнею ночью, тайком,
С севером смело расставшись родимым,
Отчий покинул он дом.
Труден, пустынен был путь до столицы,
Долго он брел... И вдали
Стены зубчатые, башни, бойницы
Путника взор привлекли,
Встала Москва перед ним: золотые
Главы соборов горят,
Алой морозною мглой повитые
Высятся кровли палат.
Гулко разносится звон колокольный,
Словно пришельца зовет.
Радостно внемля призыв богомольный,
Смело пошел он вперед.
Начал под эти гудящие звуки
Дальнего севера сын
Жадно умом погружаться в науки,
В тайну их вечных глубин.

Монастырский ученик
Много лет трудолюбиво
Черпал мыслью терпеливо
Вековую мудрость книг.
Из развенчанной столицы -
Белокаменной Москвы
К берегам реки Невы,
В город северной царицы
Был он вызван. И его
Отослали к иноземцам,
За рубеж, к ученым немцам,
Чтоб постигнуть существо
И искусства, и науки...
Он пытливостью своей
Превзошел учителей.

Там любви восторг и муки
Он впервые пережил.
Страсти творческой волненья
И усладу вдохновенья
Странник сердцем ощутил.
Испытал он много, много
И лишений, и забот,
И напастей, и невзгод;
Но идя прямой дорогой
И томясь в чужих краях,
Претерпел лихую долю
И рекрутскую неволю
В прусских воинских рядах.
После долгих лет скитанья,
Возвращаясь в край родной,
Из земли привез чужой
Он сокровища познания.

У престола сплотясь, в те года
Чужеземцы гнушались нами.
Весь отдался он жизни труда
И упорной борьбе со врагами.
Словно молотом тяжким ковал
Он певучее русское слово,
И стихами его зазвучал
Наш язык величаво и ново.
Он познал тяготенье миров,
В горных недрах металлов рожденье.
Грозный ток молньеносных громов
И небесных созвездий теченье.
В темный век свой всезрящим умом
Разгадал он средь тайн мирозданья,
Что теперь лишь мы смело зовем
Достояньем наук и познания.

Горячий, в гневе страстный,
Любил он и душой
И сердцем свой прекрасный,
Свой милый край родной.
Надеждой окрыленный
Провидел он мечтой
Россию просвещенной,
Счастливою страной.
И мы любовью нежной
Покроем страстный пыл,
Который так мятежно
Всю жизнь его палил.
Тебя страна родная
Уж третий славит век,
Тебе хвалу слагая,
Великий человек.

Стрельна
8 сентября 1911

Из цикла "Мечты и думы"

СЕРЕНАДА

О, дитя, под окошком твоим
Я тебе пропою серенаду...
Убаюкана пеньем моим,
Ты найдешь в сновиденьях отраду;
Пусть твой сон и покой
В час безмолвный ночной
Нежных звуков лелеют лобзанья!

Много горестей, много невзгод
В дальнем мире тебя ожидает;
Спи же сладко, пока нет забот,
И душа огорчений не знает,
Спи во мраке ночном
Безмятежным ты сном,
Спи, не зная земного страданья!

Пусть твой ангел-хранитель святой,
Милый друг, над тобою летает
И, лелея сон девственный твой,
Песню рая тебе напевает;
Этой песни святой
Отголосок живой
Да дарует тебе уповань!

Спи же, милая, спи, почивай
Под аккорды моей серенады!
Пусть приснится тебе светлый рай,
Преисполненный вечной отрады!
Пусть твой сон и покой
В час безмолвный ночной
Нежных звуков лелеют лобзанья!

Палермо
5 марта 1882

ТЫ ПОБЕДИЛ, ГАЛИЛЕЯНИН!

Сраженный стрелою парфянской, пал
Кесарь, отступник Христова учения;
В смертной тоске к небесам он воззвал:
"Ты победил, Галилеянин!"

Погиб Юлиан, враг Христова креста,
Церковь свободна от злого гонения.
Снова воскликнули верных уста:
"Ты победил, Галилеянин!"

Расторгнем же сети порока и зла,
К свету воспрянем из тьмы усыпления;
Вновь да раздастся и наша хвала:
"Ты победил, Галилеянин!"

Палермо
30 марта 1882

* * *

Опять снизошло на меня вдохновенье,
И звонкие струны рокочут опять:
Иль прежние снова вернулись волненья,
Иль снова я стану любить и страдать?

Нет, выдохлись старые, скучные песни,
Вы их от меня не услышите вновь.
Доньне дремавшая сила, воскресни!
Воскресни, проснися, иная любовь!

Любви безнадежной забота напрасна.
К чему тяготиться уныньем, тоской?
Взгляните, как жизнь хороша и прекрасна,
И сколько блаженства дано нам судьбой!

Гремите же, струны! Полна увлеченья,
В честь жизни раздайся, о, песня моя!
Забыв и печаль, и тоску, и мученья,
Живите и пользуйтесь жизнью, друзья!

Стрельна
12 июля 1882

* * *

Поймете ль вы те чудные мгновенья,
Когда нисходит в душу вдохновенье,
И зародившись, новой песни звук
В ней пробуждает столько тайных мук
И столько неземного восхищенья?
Те приступы восторженной любви,
Тот сокровенный творчества недуг -

Поймете ль вы?..

Я всю любовь, все лучшие стремленья,
Все, что волнует грудь в ночной тиши,
И все порывы пламенной души
Излил в свои стихотворенья...

Но если, бессознательно порою
Высокий долг поэта позабыв,
Пленялся я чарующей мечтою,
И звуков увлекал меня наплыв, -
Не осудите слабости случайной,
Души моей поймите голос тайный.
Что может ум без сердца сотворить?
Я не умею петь без увлеченья

И не могу свои творенья
Холодному рассудку подчинить!..

Стрельна
13 июля 1882

ОТДОХНИ

Отдохни, отдохни! Совершая
Утомительный жизненный путь,
Ты устала, моя дорогая!
Не пора ли тебе отдохнуть?

Среди всякого зла и гоненья,
Всякой злобы и желчи людской
Не нашла ты себе утешенья
В этой грустной юдоли земной.

Как волна беспокойного моря,
Без тревоги ты жить не могла:
Если б даже и не было горя,
Ты сама бы его создала!

Но взглядишь: в нашей жизни печальной
Разве нет и хороших сторон?
Ведь не все слышен звон погребальный, -
Раздается ж и радости звон.

Помирись же с судьбою суровой,
Горемычной земли не кляни
И, собираясь с силою новой,
Милый друг, отдохни, отдохни!

Стрельна
8 августа 1882

* * *

Уж гасли в комнатах огни...
Благоухали розы...
Мы сели на скамью в тени
Развесистой березы.

Мы были молоды с тобой!
Так счастливы мы были
Нас окружавшею весной;
Так горячо любили!

Двурогий месяц наводил
На нас свое сиянье:
Я ничего не говорил,
Боясь прервать молчанье;

Безмолвно синих глаз твоих
Ты опускала взоры:
Красноречивей слов иных

Немые разговоры.

Чего не смел поверить я,
Что в сердце ты таила,
Все это песня соловья
За нас договорила.

Павловск
30 июля 1883

* * *

Принцессе Елизавете Саксен-Альтенбургской

Взошла луна... Полночь просияла,
И средь немой, волшебной тишины
Песнь соловья так сладко зазвучала,
С лазоревой пролившись тишины.

Ты полюбила, - я любим тобою,
Возможно мне, о друг, тебя любить!
И ныне песнью я зальюсь такою,
Какую ты могла лишь вдохновить.

Стрельна
8 сентября 1883

РАЗЛУКА

Еще последнее объятье,
Еще последний взгляд немой,
Еще одно рукопожатье, -
И миг пронесся роковой...
Но не в минуту расставанья
Понятна нам вся полнота
И вся действительность страданья,
А лишь впоследствии, когда
В семье, среди родного круга,
Какой-нибудь один предмет
Напомнит милый образ друга
И скажет, что его уж нет.

Пока разлука приближалась,
Не верилось, что час пробьет;
Но что несбыточным казалось,
Теперь сознанию предстает
Со всею правдой, простотою
И очевидностью своей.
И вспоминается с тоскою
Вся горечь пережитых дней;
И время тяжкое разлуки
Так вяло тянется для нас,
И каждый день, и каждый час
Все большие приносят муки.

Стрельна
5 октября 1883

* * *

Принцессе Елизавете Саксен-Альтенбургской

Я засыпаю... Уж слабея и бледнея,
Сознание еле властно надо мной,
И все еще, как наяву, дрожа, немея,
Я вижу образ твой перед собой.

За мной смыкаются действительности двери,
Я сплю, - и в царстве призраков и снов
Ты мне являешься, пленительная пери,
И звуки ласковых я слышу слов.

Я просыпаюсь, полн волшебных впечатлений,
К тебе протягиваю руки я, -
Но расступились уже ночные тени,
Уж воцарилось сиянье дня.

И пронеслися мимолетные виденья...
И целый день с томлением, с тоской
Я темной ночи жду, - жду грез и усыпленья,
Чтоб хоть во сне увидеться с тобой!

Мраморный дворец
9 октября 1883

* * *

Я не могу писать стихов,
Когда встречаюсь порою
Средь всяких дрызг и пустяков
Со лживой пошлостью людскою.
Я говорил себе не раз:
Оставь, не обращай вниманья!
Смотри: не каждый ли из нас
Несовершенное созданье?
Мы жертвы слабые судьбы,
Проступки наши так понятны:
У розы даже есть шипы,
И есть на самом солнце пятна.
Но нет, пусть ум твердит свое!
Душа с рассудком не мирится,
И сердце бедное мое
Тоской и злобою томится.
И тщетно ищешь рифм и слов,
Зовешь напрасно вдохновенье, -
И раздраженный, в озлобленье
Я не могу писать стихов!

Дрезден

22 мая 1885

* * *

Нет! Мне не верится, что мы воспоминанья
О жизни в гроб с собой не унесем;
Что смерть, прервав навек и радость, и страданья,
Нас усыпит забвенья тяжким сном.

Раскрывшись где-то там, ужель ослепнут очи,
И уши навсегда утратят слух?
И память о былом во тьме загробной ночи
Не сохранит освобожденный дух?

Ужели Рафаэль, на том очнувшись свете,
Сикстинскую Мадонну позабыл?
Ужели там Шекспир не помнит о Гамлете,
И Моцарт Реквием свой разлюбил?

Не может быть! Нет, все, что свято и прекрасно,
Простившись с жизнью, мы переживем
И не забудем, нет! Но чисто, но бесстрастно
Возлюбим вновь, сливаясь с Божеством!

Штадтгаген
24 мая 1885

* * *

Мне снилось, что солнце всходило,
Что птицы очнулись от сна
И стайей неслись легкокрылой
Поведать природе унылой,
Что скоро вернется весна!

Забыты снега и морозы,
Уж льды расторгает поток;
И вот - оживают березы,
Повеяло запахом розы,
И теплый пахнул ветерок...

То сном мимолетным лишь было,
Обманчивым призраком грез:
Нет, солнце еще не всходило,
И в мире царили уныло
И льды, и снега, и мороз!

И прежнего боле тоскуя,
Душа нетерпенья полна,
Я жду твоего поцелуя,
Дождаться тебя не могу я,
Весна, молодая весна!

Мраморный дворец

16 декабря 1885

МОЛИТВА

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всех, которых пришел искупить
Ты Своею Пречистою Кровью,
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

Павловск
4 сентября 1886

НА СТРАСТНОЙ НЕДЕЛЕ

Жених в полночи грядет!
Но где же раб Его блаженный,
Кого Он бдящего найдет,
И кто с лампадою возжженной
На брачный пир войдет за Ним?
В ком света тьма не поглотила?

О, да исправится, как дым
Благоуханного кадила,
Моя молитва пред Тобой!
Я с безутешною тоскою
В слезах взираю издалика
И своего не смею ока
Возвесть к чертогу Твоему.
Где одеяние возьму?

О, Боже, просвети одежду
Души истерзанной моей,
Дай на спасенье мне надежду
Во дни святых Твоих Страстей!
Услышь, Господь, мои моления
И тайной вечера Твоей,
И всечестного омовенья
Прими причастника меня!

Врагам не выдам тайны я,
Воспомянуть не дам Иуду
Тебе в лобзании моем,
Но за разбойником я буду
Перед Святым Твоим крестом

Взывать коленопреклоненный:
О, помяни, Творец вселенной,
Меня во царствии Твоем!

Мраморный дворец
Страстная Среда 1887

В ДОЖДЬ

Великому Князю Сергею Александровичу

Дождь по листьям шелестит,
Зноем томящий сад
Жажду теперь утолит;
Слаще цветов аромат.

Друг, не страшись. Погляди:
Гроз не бояться цветы,
Чуя, как эти дожди
Нужны для их красоты.

С ними и я не боюсь:
Радость мы встретим опять...
Можно ль наш тесный союз
Жизненным грозам порвать?

Счастье не полно без слез;
Небо синей из-за туч, -
Лишь бы блистал среди гроз
Солнышка радостный луч.

Красное Село
4 июля 1888

* * *

О, не гляди мне в глаза так пылливо!
Друг, не заглядывай в душу мою,
Сияясь постигнуть все то, что ревниво,
Робко и бережно в ней я таю.

Есть непонятные чувства: словами
Выразить их не сумел бы язык;
Только и властны они так над нами
Тем, что их тайну никто не постиг.

О, не гневись же, когда пред тобою,
Очи потупив, уста я сомкну:
Прячет и небо за тучи порою
Чистой лазури своей глубину.

Красное Село
17 июля 1888

* * *

Принцу Петру Александровичу Ольденбургскому

Говорят мне: "Собою владеть ты умей,
"Научиться пора хладнокровью;
"Надо сдержанней быть; ты не мало людей
"Необдуманной сгубишь любовью..."

Но любовь удержать разве властна душа,
Как добычу орел в сильных лапах?
Нет, цветам, благовоньем весенним дыша,
Не сдержать упоительный запах!

Коль любить, так безумствуя в страсти слепой,
В этом бреде бессилен рассудок...
Знать ли солнцу, что им с вышины голубой
Спалена красота незабудок?

Красное Село
19 июля 1888

* * *

Любовью ль сердце разгорится, -
О, не гаси ее огня!
Не им ли жизнь твоя живится,
Как светом солнца яркость дня?
Люби безмерно, беззаветно,
Всей полнотою душевных сил,
Хотя б любовь ответной
Тебе никто не отплатил.
Пусть говорят: как все в творенье,
С тобой умрет твоя любовь, -
Не верь во лживое ученье:
Истлеет плоть, остынет кровь,
Угаснет в срок определенный
Наш мир, а с ним и тьмы миров,
Но пламень тот, Творцом возжженный,
Пребудет в вечности веков.

Павловск
10 октября 1889

* * *

П. И. Чайковскому

О, люди, вы часто меня язвили так больно,
Слезы не редко мои с досады текли,
И все-таки вас люблю я невольно,
О, бедные дети земли!

Виновники скорби своей, творите вы злое,
Множа печаль на земле неправдой своей,
Но, если поздней скорбите вы вдвое,
Мне жаль вас, как малых детей.

И как от души не простить задора ребенка,
Коль не под силу ему свой гнев затаить?
Хоть больно его колотит ручонка,
Но можно ль дитя не любить!

Павловск
24 октября 1889

В ДЕТСКОЙ

Князю Гавриилу Константиновичу

Крошка, слезы твои так и льются ручьем
И прозрачным сверкают в глазах жемчугом.
Верно, няня тебя в сад гулять не ведет?
Погляди-ка в окно: видишь, дождик идет.
Как и ты, словно плачет развесистый сад,
Изумрудные капли на листьях дрожат.
Полно, милый, не плачь и про горе забудь!
Ты головку закинь: я и в шейку, и в грудь
Зацелую тебя. Слезы в глазках твоих
Голубых не успеют и высохнуть, в них
Уж веселье блеснет; в пухлых щечках опять
Будут взор мой две мягкие ямки пленять;
И зальешься ты хохотом звонким таким,
Что и сам небосвод синим оком своим
Засияет тебе из-за сумрачных туч,
И сквозь капли дождя брызнет солнышка луч.

Павловск
4 ноября 1889

В РАЗЛУКЕ

Великой Княгине Елизавете Маврикиевне

В тени дубов приветливой семьею
Вновь собрались за чайным мы столом.
Над чашками прозрачною струею
Душистый пар нас обдавал теплом.

Все было здесь знакомо и привычно,
Кругом все те же милые черты.
Казалось мне: походкою обычной
Вот-вот пойдешь и сядешь с нами ты.

Но вспомнил я, что ты теперь далеко
И что не скоро вновь вернешься к нам
Подругою моей голубоокой

За чайный стол к развесистым дубам!

Павловск
29 июня 1890

* * *

О, как люблю я этот сад тенистый!
Со мною здесь лишь птицы да цветы.
Беспечно я вдыхаю воздух чистый
Здесь, вдалеке от светской суеты.

Как я им рад, певцам крылатым неба,
Когда, слетясь доверчивой семьей,
Клюют они, порхая, крошки хлеба,
Что любящей им сыплю я рукой!

А вы, питомцы северного лета, -
Цветы мои, - я каждого из вас,
Лишь расцветет, улыбкою привета
Люблю встречать, счастливый всякий раз.

О, милый сад, приют отдохновенья,
Приветливой и мирной простоты!
Ты мне даришь часы уединенья, -
Со мною здесь лишь птицы да цветы.

Красное Село
19 июня 1893

* * *

Княгине С. Н. Голицыной

Родного севера картина:
Полей зеленых предо мной
Необозримая равнина
И церковь Божья над рекой.

Кругом, что ни обнимут взоры,
Жилья далеко не видать;
Луга, овраги, лес да горы,
Простор, раздолье, - благодать!

Как веют на сердце целебно
И этот мир, и тишина!
И песнью радостно хвалебной
Опять душа моя полна.

Стрельна
25 мая 1899

* * *

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.

Но если вслед за огорченьем
Нам улыбнется счастье вновь,
Благодарим ли с умиленьем,
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

Красное Село
10 июня 1899

* * *

Бывают светлые мгновенья:
Земля так несравненно хороша!
И неземного восхищенья
Полна душа.

Творцу миров благоуханье
Несет цветок, и птица песнь дарит:
Создателя Его созданье
Благодарит.

О, если б воедино слиться
С цветком и птицею, и всей землей,
И с ними, как они, молиться
Одной мольбой;

Без слов, без думы, без прошенья
В восторге трепетном душой гореть
И в жизнерадостном забвеньи
Благоговеть!

Стрельна
2 июля 1902

* * *

Угасло дитя наше бедное
В расцвете младенческих дней;
Все грезится личико бледное
Мне милой малютки моей.

Черты ее детски прекрасные
Не детскую думу таят,
А светлые, чистые, ясные
Смежились очи; их взгляд

Со строгостью, с грустью блаженною

Как будто во внутрь устремлен,
Лазурь созерцая нетленную
И ангельских сил легион.

Над гробом малютки склоненные,
На милые глядя черты,
Горюем мы, тайной плененные
Небесной ее красоты;

И плачем, бояся рыданиями
Смутить этот сон гробовой,
Стяжавшей земными страданиями
Бессмертия вечный покой.

Павловск
10 марта 1906

* * *

Блаженны мы, когда идем
Отважно, твердою стопою
С неунывающей душою
Тернистым жизненным путем;

Когда лукавые сомненья
Не подрывают веры в нас,
Когда соблазна горький час
И неизбежные паденья

Нам не преграда на пути,
И мы, восстав, прах отряхая,
К вратам неведомого края
Готовы бодро вновь идти;

Когда не только дел и слова,
Но даже мыслей чистоту
Мы возведем на высоту,
Все отрешаясь от земного;

Когда к Создателю, как дым
Кадильный, возносясь душою,
Неутомимую борьбою
Себя самих мы победим.

Иматра
1 августа 1907

* * *

О, если б совесть уберечь,
Как небо утреннее, ясной,
Чтоб непорочностью бесстрастной
Дышали дело, мысль и речь!

Но силы мрачные не дремлют,
И тучи - дети гроз и бурь -
Небес приветную лазурь
Тьмой непроглядною объемлют.

Как пламень солнечных лучей
На небе тучи заслоняют -
В нас образ Божий затемняют
Зло дел, ложь мыслей и речей.

Но смолкнут грозы, стихнут бури,
И - всепрощения привет -
Опять заблещет солнца свет
Среди безоблачной лазури.

Мы свято совесть соблюдаем,
Как небо утреннее, чистой
И радостно тропой тернистой
К последней пристани придем.

Стрельна
21 августа 1907

Из цикла "Времена года"

* * *

Повеяло черемухой,
Проснулся соловей,
Уж песнью заливается
Он в зелени ветвей.
Учи меня, соловушко,
Искусству твоему!
Пусть песнь твою волшебную
Прочувствую, пойму.
Пусть раздается песнь моя
Могуча и сильна,
Пусть людям в душу просится,
Пусть их живит она;
И пусть все им становится
Дороже и милей,
Как первая черемуха,
Как первый соловей!

Красное Село
20 июня 1884

СИРЕНЬ

Сирень распустилась у двери твоей
И лиловыми манит кистями:
О, выйди! Опять любоваться мы ей
Восхищенными будем глазами.

Смотри: гнутся ветви все в пышном цвету, -
Как обильны они и пушисты!
Не долго глядеть нам на их красоту
И вдыхать этот запах душистый.

Весна промелькнет словно шаткая тень,
Как во сне пронесется крылатом...
Скорей! Наглядимся ж на эту сирень
И уьемся ее ароматом.

Красное Село
6 июня 1888

* * *

Вчера соловьи голосистые
Запели порою ночной,
И тополя листья душистые
Шептались во сне меж собой.

С зарею встречаясь малиновой,
Другая заря занялась...
С тобою за рощей осиновой
В полночный мы встретились час.

Напрасно тропинкой знакомою
Ты шла на свиданье со мной:
Я, сладкой объятый истомою,
Не мог любоваться тобой.

Любуясь той ночью единою,
Я молча и млел, и дрожал;
За песнью следя соловьиною,
Я тополей запах вдыхал.

О, вешняя ночь благовонная!
Я понял волшебный твой свет:
Земля, в это небо влюбленная,
Ему свой являла расцвет.

Красное Село
8 июня 1888

ЛЕТОМ

Давно черемуха завяла,
И на сирени средь садов
Уж не качались опахала
Благоухающих цветов.

По длинным жердям хмель зеленый
Вился высокою стеной,
И рдели пышные пионы,
Нагнувшись низко над травой.

Гляделись звезды золотые
В струи прозрачные реки,
И словно очи голубые
Во ржи синели васильки.

Мы дождались середины лета,
Но вешних дней мне было жаль,
И с этой радостью расцвета
Прокралась в душу мне печаль.

Лишиться вновь мне страшно стало
Всего, чем жизнь так хороша,
Чего так долго сердце ждало,
Чего так жаждала душа!

Красное Село
14 июля 1888

* * *

С. А. Философовой

Я нарву вам цветов к именинам,
Много пестрых, пахучих цветов:
И шиповнику с нежным жасмином,
И широких кленовых листов.
Подымуся я ранней порою,
Заберуся в густую траву
И, обрызганных свежей росой,
Вам лиловых фиалок нарву.
Побегу я в наш садик тенистый
И по всем буду шарить кустам:
Есть у нас и горошек душистый,
И гвоздика махровая там;
Камыши берега облепили,
Отражаясь в зеркальном пруде,
Белоснежные чашечки лилий
Распустились в прозрачной воде.
Я в широкое сбегаю поле,
Где волнуется нива кругом,
Где хлеба созревают на воле,
Наливается колос зерном;
Где кружится рой пчел золотистый,
Копшатся проворно жуки,
Где, пестрея во ржи колосистой,
С алым маком цветут васильки.
Я обеими буду руками
И цветы, и колосья срывать
И со всеми своими цветами
Вас скорей побегу поздравлять.

Стрельна
28 августа 1884

* * *

Как жаль, что розы отцветают!
Цветов все меньше по садам,
Уж дни заметно убывают,
И звезды ярче по ночам.
Жасмин отцвел, сирень увяла,
Давно нет ландышей нигде,
Один шиповник запоздалый
Еще алеет кое-где.
Уж сено убрано; долины
Лиловым вереском полны;
Уж спеют ягоды рябины,
Уж листья желтые видны...
Мы и заметить не успели,
Как осень скучная пришла,
Как пронесли те недели
Весны, и солнца, и тепла,
Как миновало наше лето,
А с ним и все его цветы,
И все благоуханье это,
Весь этот праздник красоты!

Красное Село
3 августа 1885

* * *

Смеркалось; мы в саду сидели,
Свеча горела на столе.
Уж в небе звезды заблестели,
Уж смолкли песни на селе...
Кусты смородины кивали
Кистями спелых ягод нам,
И грустно астры доцветали,
В траве пестрея здесь и там.
Между акаций и малины
Цвел мак махровый над прудом,
И горделиво георгины
Качались в сумраке ночном.
Тут и березы с тополями
Росли, и дуб, и клен, и вяз,
И ветви с зрелыми плодами
Клонила яблоня на нас;
Трещал кузнечик голосистый
В кусте осыпавшихся роз...
Под этой яблоней тенистой
В уме столпилось столько грез
И столько радужных мечтаний,
Живых надежд, волшебных снов
И дорогих воспоминаний
Былых, счастливейших годов!
.....
Сад задремал; уже стемнело,
И воцарилась тишина...

Свеча давно уж догорела,
Всходила полная луна, -
А мы... мы все в саду сидели,
Нам не хотелось уходить!
Лишь поздней ночью еле-еле
Могли домой нас заманить.

Мыза Смерди
15 августа 1885

* * *

Улыбкою утра пригретые снова,
В лесную мы прячемся тень.
Казалось, зима разлучить нас готова,
Вдруг теплый один еще день.

Осенней красою любятся взоры,
И радость в душе и печаль:
Нас радужно-пестрые тешат узоры,
И листьев опавших нам жаль.

И сердце о крае незримом мечтает,
Где вечер не ведает тьмы,
Где осени губящей лето не знает
И где не расстанемся мы.

Павловск
21 сентября 1889

ЕЛИ

Когда листы, поблекнув, облетели,
И сном зимы забылось все в лесу,
Одни лишь вы, задумчивые ели,
Храните прежнюю красу.

И словно шепчете вы с тихой грустью:
"Спи, темный лес! Уснуло все кругом;
"Струи ручьев, в живом стремленьи к устью,
"Застыли, скованные льдом;

"Мороз дохнул, метель спугнула стаю
"Жильцов твоих осиротелых гнезд,
"И песнь ее к иному рвется краю,
"Где ярче блеск полночных звезд;

"Охваченный дремотой непробудной,
"Ты изнемог под саваном зимы...
"Нам не вздремнуть: одеждой изумрудной
"Всегда равно пленяем мы.

"Но минут дни, и сон стряхнувши зимний,
"Ты зацветешь, взломают лед ручьи,

"И прилетят под кров гостеприимный
"Певцы крылатые твои.

"Пускай тогда ты юною красою
"Затмишь, о, лес, печальный наш наряд:
"Твоих ветвей объятья нас от зною
"Листвой душистой защитят".

Павловск
21 октября 1889

* * *

Красу земли сгубил жестокий
К зиме от лета переход,
И полн лишь неба свод глубокий
Неувядаемых красот.

Грустят цветы в саду печальном,
Им ароматом не дохнуть;
Но взор поднимешь; в небе дальнем
Все так же ярк Млечный Путь.

Здесь все так тускло и ненастно,
Лесов осыпался наряд,
А звезды неба так же ясно
В лучах немеркнущих горят.

Пусть влажной мглой и туч клубами
Лазурь небес заволокло:
Мы знаем, там, за облаками,
Всегда и пышно, и светло!

Павловск
27 октября 1889

* * *

Зарумянились клен и рябина,
Ярче золота кудри берез,
И безропотно ждет георгина,
Что спалит ее первый мороз.

Только тополь да ива родная
Все сдаваться еще не хотят
И, последние дни доживая,
Сохраняют зеленый наряд.

И, пока не навеяло снега
Ледяное дыханье зимы,
Нас томит непонятная нега,
И печально любимся мы.

Но промчалось лето с весною,

Вот и осени дни сочтены...
Ах, уж скоро мы с этой красою
Распростимся до новой весны!

Павловск
Осень 1897

* * *

Последней стаи журавлей
Под небом крики прозвучали.
Сад облетел. Из-за ветвей
Сквозят безжизненные дали.

Давно скосили за рекой
Широкий луг, и сжаты нивы.
Роняя листья, над водой
Грустят задумчивые ивы.

В красе нетронутой своей
Лишь озимь зеленеет пышно,
Дразня подобьем вешних дней...
- Зима, зима ползет неслышно!

Как знать. Невидимым крылом
Уж веет смерть и надо мною...
О, если б с радостным челом
Отдаться в руки ей без бою;

И с тихой, кроткою мольбой,
Безропотно, с улыбкой ясной
Угаснуть осенью безгласной
Пред неизбежною зимой!

Козельский уезд
1 октября 1901

ЗИМОЙ

О, тишина
Глуши безмолвной, безмятежной!
О, белизна
Лугов под пеленою снежной!

О, чистота
Прозрачных струй обледенелых!
О, красота
Рощ и лесов заиндевелых!

Как хороша
Зимы чарующая греза!
Усни, душа,
Как спят сугробы, пруд, береза...

Сумей понять
Природы строгое бесстрастье:
В нем - благодать,
Земное истинное счастье.

Светлей снегов
Твои да будут сновиденья
И чище льдов
Порывы сердца и стремленья.

У ней учись,
У зимней скудости прелестной,
И облекись
Красою духа бестелесной.

Павловск
18 марта 1906

ЛАНДЫШИ

Если ландыша листья средь жаркого лета
Мне в тени попадутся лесной,
Я не вижу на них благовонного цвета,
Облетевшего ранней весной.

Затаенною грустью и радостью ясной
Сердце сладко занует в груди:
Много счастья изведено в жизни прекрасной,
Мне не знать уж весны впереди.

Пусть земле возвращает она ежегодно
Белоснежного ландыша цвет, -
Призрак старости манит рукою холодной:
Юным дням повторения нет.

Но не жаль мне покинуть земное жилище:
Там, в неведомой сердцу дали
Расцветают красы и светлее, и чище
Милых ландышей бедной земли.

Либенштейн
3 июля 1909

ВРЕМЕНА ГОДА

Сонет

О, радость утра ясного весной!
Ты ласточек навеяна крылами.
Вы, незабудки, споря с небесами,
Так празднично убрались бирюзой.

О, летний день! Сияя над землей,
Ты теплыми даришь ее лучами

И мака знойными во ржи цветами
И жаворонка песне заливной.

О, золотистость осени печальной!
Скорбь увяданья, грусти красота
И журавлей отлет зарей прощальной.

О, зимней ночи жуть и нагота!
Зловещий ворон в белизне хрустальной
И лунный свет, и глушь, и немота...

Симбирск - Москва
28 октября 1910

Из цикла "На чужбине"

ВЕНЕЦИЯ

I

Надпись к картине

С какою кроткостью и скорбью нежной
Пречистая взирает с полотна!
Грядущий час печали неизбежной
Как бы предчувствует Она!

К груди Она Младенца прижимает
И Им любуется, о Нем грустя...
Как Бог, Он взором вечность пронизает
И беззаботен, как дитя!

Гмунден
20 мая 1882

II

Баркарола

Плыви, моя гондола,
Озарена луной,
Раздайся, баркарола,
Над сонною волной.
Настроена гитара:
О, друг, я в честь твою
Всего земного шара
Все песни пропою!
Смотри, уж на Пьяццетте
Потушены огни,
При ярком лунном свете
С тобою мы одни.
Замолкли серенады,
И ставни заперты, -
Среди ночной прохлады
Не спим лишь я да ты.

До Лидо не далеко,
Мы быстро доплывем;
Там море так широко
Раскинулось кругом;
Там месяц волны любит:
Смотри, как с вышины
Лучами он голубит
Морские глубины.
Там, в голубом просторе,
В лазоревой дали
Забудем мы и горе,
И бедствия земли.
Пусть звуки поцелуя
Подслушает волна,
И, как тебя люблю я,
Пусть подглядит луна!

Гмунден
24 мая 1882

III

Мост вздохов

Под мостом вздохов проплывала
Гондола поздней порой,
И в бледном сумраке канала
Раздумье овладело мной.
Зачем таинственную сенью
Навис так мрачно этот свод?
Зачем такой зловещей тенью
Под этим мостом обдаёт?
Как много вздохов и стонаний,
Должно быть, в прежние года
Слыхали стены этих зданий
И эта мутная вода!
Могли б поведать эти своды,
Как в дни жестокой старины,
Бывало, оглашались воды
Паденьем тела с вышины;
И волн, и времени теченье
Спешило тело унести:
То были жертвы отомщенья
Совета Трех и Десяти...
Но не болтливы стен камня,
Не разговорчива вода,
И лишь в одном воображенье
Встают минувшие года.
Безмолвна мраморная арка,
Безмолвен сумрачный канал...
Крылатый лев Святого Марка
Сном вековечным задремал.

Штутгарт
4 июня 1882

IV

Скользила гондола моя над волной
Морского широкого лона.
Заката малиновый луч надо мной
Румянил лазурь небосклона.

Жемчужные сверху ряды облаков
Гляделись в спокойное море,
И слышался бой отдаленный часов,
Теряясь в безбрежном просторе.

Желанием сладостным, нежной тоской
Душа изнывала и млела:
Хотелось слиться с волной голубой,
Лететь выше неба предела;

Хотелось угаснуть, как луч золотой,
Застыть, как те звуки в просторе, -
Хотелось объять ненасытной душой
Все небо и целое море!

Стрельна
12 июля 1882

V

Помнишь, порою ночью
Наша гондола плыла,
Мы любовались луною,
Всплескам внимая весла.

Помнишь, безмолвно дремала
Тихим Венеция сном,
В сонные воды канала
Звезды гляделись кругом.

Мимо палаццо мы дожей,
Мимо Пьяццетты колонн
Плыли с тобою... О, Боже,
Что за чарующий сон!

Искрились волны лагуны...
Где-то в дали голубой
Плакали нежные струны, -
Пел гондольер молодой;

Пел он про месяц и море,
Про голубую волну,
Пел про блаженство и горе.
Пел про любовь и весну.

Дивная песнь навевала

Грезы блаженной любви,
В душу она проникала,
Страсть разжигала в крови...

Помнишь, порою ночью
Тихо гондола плыла,
Мы любовались луною...
О, что за ночь то была!

Красное Село
28 июля 1882

VI

На площади Святого Марка,
Где вьются стаи голубей,
Где меж бесчисленных колонн за аркой арка
Пленяют взор каймой узорчатой своей,
Остановился я... Уж угасал, бледнея,
Тревожный, суетливый день;
С безоблачных небес, таинственно синяя,
На землю сонную спускалась ночи тень;
И колокола благовест унылый
Сзывал к вечерне христиан. Меня
Влекло неведомою силой
К старинному собору, чтобы дня
Забыть и шум, и утомленье.
Благоговейного исполнен умиленья,
Переступил святыни я порог...
Лампады теплились, дымились кадила,
И сумрачная мгла, казалось, говорила:
Здесь соприисутствует нам Бог! -
И стал молиться я спокойный и безмолвный.
Орган откуда-то с незримой вышины
Звучал торжественно, и стройных звуков волны
Лились среди мертвой тишины.
В них слышались и слезы, и стенанья,
Скорбь за утраченные небеса,
И неземные воздыханья,
И райских песен голоса.
Прозрачный, легкий дым каждений благовонных,
Струясь вокруг мраморных столбов,
Скользя по плитам стен, вдоль сводов закопченных,
Вился и таял в мраке куполов,
Молитвой и веками освященных.
И лики строгие угодников святых
Со злата греческой мусии
Глядели на меня... И о родных
Иконах матушки России
Невольно вспомнил я тогда;
Моя душа крылатою мечтою
Перенеслась на родину, туда,
На север, где теперь, согретая весною,
Душистая черемуха цветет,
Благоухают пышные сирени,

И песни соловей поет...
В уме столпилось столько впечатлений!..
И вздохом я вздохнул таким,
Каким вздохнуть один лишь Русский может,
Когда его тоска по родине изложет
Недугом тягостным своим.

Венеция
19 апреля 1885

* * *

Растворил я окно, - стало грустно невмочь,
Опустился пред ним на колени,
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени.

А вдали где-то чудно так пел соловей;
Я внимал ему с грустью глубокой
И с тоскою о родине вспомнил своей;
Об отчизне я вспомнил далекой,

Где родной соловей песнь родную поет
И, не зная земных огорчений,
Заливается целую ночь напролет
Над душистою веткой сирени.

Мейнинген
13 мая 1885

РАФАЭЛЬ САНЦИО
1483-1520

В Страстную пятницу недаром он родился,
В Страстную пятницу недаром умер он!
В него божественный дух творчества вселился,
Он свыше тайною был силой облечен.

*

Небесной, ангельской красою одаренный,
Недаром имя он бесплотного носил,
И верить хочется, что кистью несравненной
Его руководил архангел Рафаил...

С.-Петербург
30 мая 1885

КОЛОКОЛА

Несется благовест...- Как грустно и уныло
На стороне чужой звучат колокола.
Опять припомнился мне край отчизны милой,

И прежняя тоска на сердце налегла.

Я вижу север мой с его равниной снежной,
И словно слышится мне нашего села
Знакомый благовест: и ласково, и нежно
С далекой родины гудят колокола.

Штутгарт
20 октября 1887

Из цикла "Севастиан-Мученик"

ПОСВЯЩЕНИЕ

Королеве Эллинов Ольге Константиновне

Тебе, тебе, мой ангел нежный,
Я посвящаю этот труд;
О, пусть любовно и прилежно
Твои глаза его прочтут.

Ты мне внушила эти строки,
Они тобой вдохновлены:
Пусть же будут в край далекий
Они к тебе унесены.

И если грудь занает больно
Тоской по нашей стороне,
Пусть тогда они невольно
Тебе напомнят обо мне.

И пусть хоть тем тебе поможет
Тот, кто всегда и всюду твой,
Кто позабыть тебя не может,
И чья душа полна тобой.

СТРОФЫ

Севастиан-Мученик

Претерпевый же до конца, той спасетса.
(Матф. XXIV, 13)

I

В Риме праздник. Рыщут колесницы,
Топот, стук колес по мостовой,
Ржанье, свист бича и крик возницы
В гул слилися. К форуму толпой
Повалил народ. Снуют носилки,
Пыль клубится облаком густым;
Фыркает, храпит и рвется пылкий
Конь под всадником лихим.

II

В честь богини зеленью, цветами
Убран был Венеры пышный храм;
От курильниц синими клубами
Возносился легкий фимиам.
В наготе божественного тела,
Фидия рукою создана,
В благовонном сумраке белела
Олимпийская жена.

III

Совершая жертвоприношение,
Цезарь сам стоял пред алтарем,
И жрецы в немом благоговеньи
С утварью теснились кругом.
Все во прах повергнулись толпою,
Преклонился сам Максимиан, -
Не поник отважной головою
Лишь один Севастиан.

IV

Засверкали цезаревы очи
И зловещим вспыхнули огнем,
Вне себя он стал мрачнее ночи
Искаженным яростью лицом:
"Ты ль не хочешь чтить моей святыни,
"Возмущая наше торжество!
"Ты ль, трибун мой, дерзкою гордыней
"Оскорбляешь божество!"

V

И бесстрашно, твердо и спокойно
Отвечал ему Севастиан:
"Человеку, цезарь, недостойно
"Почитать бездушный истукан.
"Правды нет в твоей безумной вере,
"Ваши боги - лживая мечта,
"Не могу я кланяться Венере,
"Исповедуя Христа!"

VI

"Он - мой Бог! Его святою кровью
"Грешный мир искуплен и спасен;
"Лишь Ему с надеждой и любовью
"Я молюсь коленопреклонен.
"Небеса Он создал, создал землю,
"Создал все, что дышит и живет.
"Лишь Его велениям я внемлю,
"Он мне помощь и оплот!"

VII

Неподвижно, в трепетном молчанье,
Царедворцы робкою толпой
Роковое слушали признание,
Изумляясь дерзости такой.
Обезумел цезарь, злобы полный,
Ярый гнев уста его сковал,
И смятенным ликторам безмолвно
Он трибуна указал.

VIII

Вмиг вокруг него живой стеною
Их сомкнулись тесные ряды;
Повлекли они его с собою
В гору, в Палатинские сады.
Нумидийской цезаревой страже
Сдали там с рук на руки его...
И покорно стал от злобы вражьей
Он конца ждать своего.

IX

Гаснет алый запад, догорая
В небесах багряною зарей;
Быстро тень надвинулась густая,
И звезда зажглася за звездой,
Уж померкло небо голубое,
Тихо все... Уснул великий Рим;
И в немом, задумчивом покое
Ночь спустилася над ним.

X

Уж во власти тихого Морфея,
Под его чарующим крылом
Все, в дремоте сладкой цепenea,
Позабылось безмятежным сном.
Лишь к стволу привязан кипариса,
Молодой трибун-христианин,
Там, в саду цветущем Адониса,
В эту ночь не спит один.

XI

А кругом на храмы, на чертоги
Налегла таинственная тьма;
Сторожат изваянные боги
Рощи Палатинского холма;
Сладко в них цветы благоухают,
Водометы плещут и журчат
И росой свежей орошают
Мрамор царственных палат.

XII

Полночь дышит влажною прохладой.
У стены на каменном полу
Стража крепко спит под колоннадой.
Догорев, костер дымит в углу;
Пламя, вспыхнув, озарит порою
То карниз, то вазу, то плиту,
И кружась, искры над золою
С треском гаснут на лету.

XIII

И задумчив узник одинокий,
Кротких глаз не сводит он с костра:
Скоро мрак рассеется глубокий,
Минет ночь, - не долго до утра.
Заблестит восток воспламененный,
Брызнут солнца первые лучи
И разбудят этот город сонный,
И проснутся палачи.

XIV

На него они наложат руки,
Истерзают молодую грудь,
И настанет час предсмертной муки,
И окончен будет жизни путь.
Словно искра, в мраке исчезая,
Там, над этим тлеющим костром,
Жизнь его, как утро, молодая
В миг один угаснет в нем.

XV

Но ни жизни, полной юной силы,
Ни даров земных ему не жаль,
Не страшит его порог могилы;
Отчего ж гнетет его печаль?
Отчего заныла грудь тоскою?
Отчего смутилось сердце в нем?
Иль ослаб он бодрою душою
Пред мучительным концом?

XVI

Не его ли пламенным желаньем
Было встретить доблестный конец,
Радость вечную купить страданьем
И стяжать мучения венец?
Не мечтал ли дни он молодые
Положить к подножию Креста
И, как те избранники святые,
Пасть за Господа Христа?

XVII

Но они не ведали печали:

Не в тиши безмолвной и глухой, -
Посреди арены умирали
Пред ликующей они толпой.
Нет, в душе их не было кручины,
Погибать отрадней было им:
В Колизее славной их кончины
 Был свидетель целый Рим.

XVIII

Может быть, звучали в утешенье
Им слова-напугствия друзей,
Их молитвы, их благословенья;
Может быть, меж сотнями очей
Взор они знакомый различали
Иль привет шептавшие уста;
Мужества, дивясь, им придавали
 Сами недруги Христа.

XIX

А ему досталась доля злая
Позабывшим здесь, в глуши немой,
Одиноко, в муках замирая,
Изнывать предсмертною тоской.
Никого в последнее мгновенье
Не увидит он, кто сердцу мил,
Кто б его из мира слез и тленья
 Взором в вечность проводил.

XX

А меж тем над спящею столицей,
Совершая путь обычный свой,
Безмятежно месяц бледнолицый
Уж плывет по выси голубой.
Просияла полночь; мрак редет,
Всюду розлит серебристый свет,
И земля волшебным блеском рдеет
 Небу чистому в ответ.

XXI

Там белеет храм Капитолийский,
Древний форум стелется под ним;
Здесь колонны, арки, обелиски
Облиты сияньем голубым;
Колизей возносится безмолвный,
А вдали, извилистой каймой
Тибра мутные струятся волны
 За Тарпейскою скалой.

XXII

И любуясь дивною картиной,
Позабывся узник молодой;

Уж теперь не горем, не кручиной, -
Сердце полно сладкой тишиной.
Приутихло жгучее страданье,
И в душе сомненье улеглось:
Этой ночи кроткое сиянье
Словно в грудь ему влилось.

XXIII

Примиренный с темною судьбою,
Вспоминает он былые дни:
Беззаботной, ясной чередою
Пронеслись на севере они.
Видит он зеленые равнины,
Где блестят сквозь угренный туман
Альп далеких снежные вершины, -
Видит свой Медиолан.

XXIV

Видит дом родной с тенистым садом,
Рощи, гладь прозрачную озер
И себя, ребенком малым, рядом
С матерью; ее он видит взор,
На него так нежно устремленный...
Как у ней был счастлив он тогда,
Этим милым взором осененный,
В те беспечные года!

XXV

От нее услышал он впервые
Про Того, Кто в мир тоски и слез
Нам любви учения святыя
И грехов прощение принес;
Кто под знойным небом Галилеи
Претерпел и скорбь, и нищету,
И Кого Пилат и фарисеи
Пригвоздили ко кресту.

XXVI

Но года промчались стрелою...
- Детства дней счастливых не вернуть!
Он расстался с домом и семьею,
Перед ним иной открылся путь:
Он, покорный долгу, в легионы
Под знамена бранные вступил
И свой меч, отвагой закаленный,
Вражьей кровью обагрил.

XXVII

Бой кипел на западе далеком:
Там с врагами Рима воевал
Юный вождь. Ревнивым цезарь оком

На победный лавр его взирал.
Против франков, в войске Константина,
Острых стрел и копий не страшась,
Севастьян и с ним его дружина
Храбро билися не раз.

XXVIII

Но и в грозный час кровавой битвы,
Помяная матери завет,
Благодатной силою молитвы
Соблюдал он в сердце мир и свет.
Бедный дух его не утрашала
Зной и стужа, раны и нужда;
Он сносил без жалоб, без печали
Тягость ратного труда.

XXIX

И властям всегда во всем послушный,
Он жалел подвластных и щадил;
С ними он, доступный, благодущный,
И печаль, и радости делил.
Кто был горем лютым иль несчастьем,
Или злой невзгодой удручен,
Шел к нему, и всякого с участием
Принимал центурион.

XXX

И за то с любовью беспримерной
Подчинялись воины ему,
Зная, что своей дружины верной
Он не даст в обиду никому,
И везде, из всех центурий стана,
И в бою, и в пору мирных дней
Отличалась сотня Севастьяна
Ратной доблестью своей.

XXXI

И привязан был он к этой сотне
Всеми силами души своей;
В ней последним ратником охотней
Был бы он, чем первым из вождей
Всех когорт и легионов Рима.
Не желал он участи иной,
Не была душа его палима
Властолюбия мечтой.

XXXII

В бранном стане, в Галлии далекой
Скромный дорог был ему удел,
И его на блеск и сан высокий
Променять бы он не захотел.

Почесть с властью или роскошь с силой,
Или все сокровища земли
Никогда ему той сотни милой
 Заменить бы не могли.

XXXIII

Что людьми зовется верхом счастья,
То считал тяжелым игом он.
Но, увы, непрошеною властью
Слишком рано был он облечен!
О, какую горькою кручиной
Сердце в нем исполнилось, когда
С этой храброй, доблестной дружиной
 Он расстался навсегда.

XXXIV

Никогда доселе сердцем юным
Ни тщеславлен не был он, ни горд;
У преторианцев став трибуном,
Во главе блестящих их когорт,
Он остался воином смиренным,
Ни наград не ждавшим, ни похвал,
И горя усердьем неизменным,
 Честно долг свой исполнял.

XXXV

Но душе его прямой и нежной
Чужд был этот гордый, пышный Рим,
Этот Рим порочный и мятежный,
С ханжеством, с безверием своим
Утопавший в неге сладострастной,
Пресыщенный праздной суетой,
Этот душный Рим с подобострастной
 Развращенною толпой.

XXXVI

Здесь, в тревожной суетной столице,
Окружен неправдою и злом,
Как в глухой, удушливой темнице,
Изнывал он сердцем и умом.
Поли отваги, мужества и рвенья,
До конца готовый претерпеть,
Жаждал он скорей принять мученья
 И за веру умереть.

XXXVII

И пришла пора освобожденья:
Только ночь прожить еще одну,
И настанет час успокоенья.
С упованьем глядя в вышину,
Он привет читает в блеске ночи:

Звезд лучи, пронизывая тьму,
С голубых небес, как Божьи очи,
Светят радостно ему.

XXXVIII

Небо залито лазурью нежной,
Закатился месяц в облака;
Медленно, неслышно, безмятежно
Уплывает ночь. Вот ветерка
Предрасветная прохлада веет,
Край небес, светлея и горя,
Заалел с востока... Тьма редееет, -
И зарделася заря.

XXXIX

Узник видит утра пробужденье,
Светом солнца обдало его,
И за день последнего мученья
Он прославил Бога своего.
Пробудились стражи. Обступили
Севастьяна шумною толпой,
Молодое тело обнажили;
Высоко над головой

XL

Подняли беспомощные руки,
Притянули к дереву плотней...
Лютые принять готовый муки,
В ожиданьи участи своей,
Он стоял живой пред ними целью
В алом блеске утренних лучей,
Не внимая дикому веселью
Нумидийских палачей.

XLI

В этот час предсмертного томленья
Все земное мученик забыл;
Поли восторга, в сладком упоеньи,
В небесах мечтою он парил.
Перед ним отверзлись двери рая;
Озарен сияньем неземным,
Звал его, венец ему сплетая,
Лучезарный серафим.

XLII

И не видел узник Нумидийца
С длинным луком, с стрелами его;
В забытьи не видел, как убийца
Долго, долго целился в него,
Тетива как дрогнула тугая,
Не видал, как спущена была

И примчалась, воздух рассекая,
Смертоносная стрела.

XLIII

Лишь когда отточенное жало
Глубоко в нагую грудь впилось,
В ней от боли сердце задрожало,
И очнулся он от светлых грез.
Шумный говор, крики, взрывы смеха
Услыхал он, мукою томим:
Зверская, кровавая потеха
По душе пришлось им.

XLIV

Чередуясь, каждый в нетерпенье
В грудь стрелу спешил ему послать,
Чтобы силу, ловкость и уменье
Над бессильной жертвой показать.
И стрела вонзалась за стрелою...
Он терпел с молитвой на устах;
Кровь из жгучих ран лилась струею,
И мутилось в глазах.

XLV

Уж сознание гасло и бледнело,
И молитв мешались слова;
На руках без чувств повисло тело,
И на грудь склонилась голова;
Подкосились слабые колени...
В область тьмы, забвения и сна
Погрузился дух... Земных мучений
Чашу он испил до дна.

XLVI

А честное мученика тело,
Брошено руками палачей,
Скоро б незарытое истлело
Под огнем полуденных лучей,
Где-нибудь во рву или яме смрадной,
Где бы хищный зверь, в ночную тьму,
Оглодал его, где б коршун жадный
Очи выклевал ему.

XLVII

Уж его от дерева поспешно
Отвязать мучители хотят...
Той порою, плача неутешно,
Две жены прокрались тайно в сад.
Но мольбы напрасны; тщетно слезы
Изобильно льются из очей:
Им в ответ звучат одни угрозы

С бранью злобной палачей.

XLVIII

Жены им дрожащими руками
Сыплют деньги... Шумный спор возник,
Зазвенело злато... Меж стрелками
Завязалась драка; слышен крик...
А они страдальца тихо взяли,
Дорогой обвили пеленой
И, глубокой полные печали,
Унесли его с собой...

I

Рим ликует. Зрителей без счета
Уж с утра стеклося в Колизей:
Христианам вновь грозит охота, -
Под ареной слышен вой зверей.
И до зрелищ жадный, в нетерпении,
Ожидает цезаря народ...
Вдруг раздались клики в отдалении:
"Тише, тише! Он идет!"

II

Распахнулась дверь. Цветов кошницы
Высоко держа над головой,
Дев прекрасных сходят вереницы
Меж колонн по лестнице крутой.
Из дворца идут они, как тени,
Устлан путь узорчатым ковром;
Их цветы на гладкие ступени
Пестрым сыплются дождем.

III

Двигается дружина за дружиной:
Здесь и Дак косматый, и Сармат,
Здесь и Скиф под шкурою звериной.
Блещут медь, железо и булат,
Рог и трубы воздух оглашают,
И проходят пращники, стрелки;
Серебром и золотом сияют
Стражи цезарской полки.

IV

Свищут флейты, и гремят цевницы,
Скачет шуг, и вертится плясун.
Вот певцов проходят вереницы
И под звуки сладкогласных струн
Воспевают в песне величавой
Вечный Рим с владыками его,

Их полки, увенчанные славой,
И знамен их торжество.

V

Звонких лир бряцанье заглушает
Грохот бубнов и кимвалов звон.
Горделиво цезарь выступает,
Облеченный в пурпур и виссон.
Скиптр его из драгоценной кости
И орлом украшен золотым;
Дорогой венец на длинной трости
Черный раб несет над ним.

VI

Вдруг кимвалы стихли, смолкли бубны,
И застыл кифар и гуслей звук,
В отдалении замер голос трубный,
Все кругом недвижно стало вдруг.
Цепеня в ужасе безмерном,
Цезарь глаз не сводит со стены,
И к стене той в страхе суеверном
Взоры всех устремлены.

VII

Там в окне, над мраморною аркой,
Между двух порфировых колонн,
Полосою света залит яркой,
Полунаг, изранен, изможден,
Словно призрак иль жилец загробный,
Отстрадавший юноша предстал.
Красотой небесной, бесподобной
Ясный взор его сиял.

VIII

Волоса на плечи упали
Золотистой, шелковой волной,
Кроткий лик, исполненный печали,
Выражал величье и покой;
Бледны были впалые ланиты,
И прошла морщина вдоль чела:
Злая мука пытки пережитой
Как печать на нем легла.

IX

Посреди молчанья гробового
Он, вздохнув, отверз уста свои;
Полилось восторженное слово,
Как потока вешние струи:
"Цезарь! О, возьми меня с собою!
"В Колизее ждет тебя народ...
"Христиан замученных тобою

"Кровь на небо вопиет.

X

"Уж песок арены зверь взрывает...
"Медлишь ты, бледнеешь и дрожишь!
"Иль тебя то зрелище пугает?
"Что ж смущен ты, цезарь, и молчишь?
"Содрогнешься ль ты перед страданьем?
"Иль твой слух еще не приучен
"К детским крикам, к воплям и стенаньям
"Старцев, юношей и жен?

XI

"Мало ль их, смерть лютую приявших!
"Мало ль их, истерзанных тобой!
"Одного из тех перестрадавших
"Ныне видишь ты перед собой.
"Эта грудь - одна сплошная рана,
"Вот моя кровавая броня!
"Узнаешь ли ты Севастиана?
"Узнаешь ли ты меня?

XII

"Но сильней любовь и милосердье
"Жала стрел убийственных твоих:
"Я уход, заботу и усердье
"Близ твоих чертогов золотых,
"Под одною кровлею с тобою
"Находил у праведных людей;
"Я их доброй, ласковой семьею
"От руки спасен твоей.

XIII

"О, как тяжело было пробужденье
"После казни той, когда я ждал,
"Что очнуся в небе чрез мгновенье,
"Осушив страдания фиал.
"Но не мог расстаться я с землею,
"Исцелела немощная плоть,
"И ожившим, цезарь, пред тобою,
"Мне предстать судил Господь.

XIV

"Страха чужд, тебе отдавшись в руки,
"Я пришел принять двойной венец.
"Претерпеть опять готов я муки
"И отважно встретить свой конец.
"Цезарь, там, я слышу... гибнут братья.
"С ними смертью пасть хочу одной!
"К ним иду я кинуться в объятья, -
"Цезарь! Я иду с тобой!"

XV

Недвижимо, притаив дыханье,
Как волшебным скованные сном,
Тем словам, в томительном молчанье,
Все внимали трепетно кругом.
Он умолк, и как от грез очнулся
Цезарь, а за ним и весь народ;
Гордый дух в нем снова встрепенулся
И над страхом верх берет.

XVI

"Надо мной ты смеешь издеваться,
"Или мнишь, что кары ты избег!
"Червь со львом дерзает ли тягаться,
"Или с Зевсом смертный человек?
"Испытай же гордой головою,
"Что мой гнев громов небес грозней,
"И что казнь, придуманная мною,
"Когтя львиного страшней!

XVII

"Пусть потрачены те стрелы даром.
"Но палач мой справится с тобой:
"Под тяжелым палицы ударом
"Размозжится жалкий череп твой.
"И погибнешь - миру в назиданье -
"Ты за то, что вел безумный спор
"С тем, кто власть свою могучей дланью
"Над вселенною простер!"

XVIII

Он шагнул вперед; и всколыхалась
Словно море пестрая толпа.
В колоннадах снова песнь раздалась,
Свищут флейты, и гудит труба,
Плясуны вновь пляшут по ступеням,
Вновь грохочут бубны и кимвал,
И вдоль лестниц с кликами и пеньем
Лязг оружия зазвучал.

XIX

Но в последний раз борца Христова
С вышины слышались слова, -
И мгновенно все умолкло снова,
Как объято силой волшебства.
Над немой, смятенною толпою
Словно с неба слово то гремит
И ее, как Божьею грозою
Разражаясь, громит:

XX

"Ты ужели страхом новой казни
"Возмечтал слугу Христа смутить?
"Воин твой, о, цезарь, чужд боязни,
"Казнь одну успел я пережить, -
"Верь! Приму вторую также смело,
"Умирая с радостью святой:
"Погубить ты властен это тело,
"Но не дух бессмертный мой.

XXI

"О, Господь, простивший Иудеям,
"На кресте их злобою распят,
"Отпусти, прости моим злодеям:
"И они не знают, что творят.
"Пусть Христовой веры семенами
"В глубине поляжем мы земли,
"Чтоб побеги веры той с годами
"Мощным деревом взошли.

XXII

"Верю я! Уж время недалеко:
"Зла и лжи с земли сбегает тень,
"Небеса зарделися с востока, -
"Близок, близок правды яркий день!
"Уж вдали стекаются дружины,
"Юный вождь свою собирает рать,
"И ничем его полет орлиный
"Вы не можете сдержать.

XXIII

"Константин - тот вождь непобедимый!
"Он восстанет Божиим посланцем,
"Он восстанет, Промыслом хранимый,
"Укрепленный Господом Христом.
"Вижу я: в руке его державной
"Стяг, крестом увенчанный, горит,
"И богов он ваших в битве славной
"Этим стягом победит.

XXIV

"Тьму неправды властно расторгая,
"Словно солнце пламенной зарей,
"Засияют истина святая
"И любовь над грешною землей.
"И тогда, в день радости и мира,
"Осенятся знаменьем креста
"И воспрянут все народы мира,
"Славя Господа Христа!"

Павловск

22 августа 1887

Из цикла "Гекзаметры"

I

Любо глядеть на тебя, черноокий приветливый отрок,
В ясное утро, когда ты диском играешь блестящим.
Спину согнув, опершись в колено левой рукою,
Правую ловко ты круг увесистый бросишь далеко.
Если ж никто с тобой не сравнится в уменьи, и диск твой,
С медным звоном в плиту ударяясь, всех мимо промчится, -
Стройно ты выпрямишь стан, задорно голову вскинешь,
Кудри встряхнешь и таким заразительным смехом зальешься;
В душу твою просится смех, и думаю я в восхищеньи:
Как хороша ты, о, жизнь! О, юность, как ты прекрасна!

Петергоф
20 июля 1888

II

Счастье ж твоим голубям! Ты снова в дверях показалась
С пестрой корзиной в руках, зерном наполненной крупным.
Все встрепенулись они, все вдруг над тобой закружились,
Близко уселись к тебе и, нежно ласкаясь, воркуют,
Голуби всюду: в самой корзине над лакомым кормом,
Те на плечах у тебя доверчиво так приютились,
Эти у ног и клюют на пороге упавшие зерна.
О, не спешите вспорхнуть! Побудьте здесь, кроткие птицы!
Дайте завидовать мне вашей близости к деде прекрасной,
Дайте хоть издали мне на нее любоваться подоле.

Красное Село
22 июня 1888

III

Завтра вот эти стихи тебе показать принесу я.
Сядем мы рядом; опять разовью заветный я свиток;
Голову нежно ко мне на плечо ты снова приклонишь,
Почерк затейливый мой на свитке с трудом разбирая.
С робостью тайной в душе и трепетом сладким объятый,
Взора не смея поднять на тебя, притаивши дыханье,
Буду безмолвно внимать; угадывать буду стараться
Все, что в этих стихах ты осудишь, и все, что похвалишь.
Каждую темную мысль, неловкое слово, неровность
Голоса звук отгнетит, невольное выдаст движенье.
Если ж все до конца дочитаешь ты без запинки,
В очи тебе загляну я и в них приговор прочитаю.
Ласковой, ясной меня озаришь ты, быть может, улыбкой...
Мне ль благодарным не быть вдохновенью за эту улыбку!
О, если б только оно меня осеняло почаще!

Красное Село

26 июля 1888

"Сонеты к Ночи"

I

Что за краса в ночи благоуханной!
Мечтательно ласкает лунный свет;
Небесный свод, как ризой златотканой,
Огнями звезд бесчисленных одет.

О, если б там, в стране обетованной,
Где ни забот, ни слез, ни горя нет,
Душе расцвести красою первозданной,
Покинув мир страданий, зол и бед!

Но, может быть, там суждено забвенью
Всего того, чем в нежном умиленьи
Здесь на земле пленялася душа?

Нет, будем жить! Хоть скорбью и тоскою
Больная грудь сжимается порою,
Хоть страждем мы, но жизнь так хороша!

Красное Село
23 июля 1890

II

За день труда, о, ночь, ты мне награда!
Мой тонет взор в безбрежной вышине,
Откуда ты глядишься в душу мне
Всей красотой нетленного наряда.

В сиянии твоём - что за услада,
И что за мир в отрадной тишине!
Я признаю в сердечной глубине
Власть твоего чарующего взгляда.

Цари, о, ночь, и властвуй надо мной,
Чтоб мне забыть о суете земной,
Пред тайною твоей изнемогая,

И, немощным восхитив к небесам,
Окрепнувшим верни, о, неземная,
Меня земле, к заботам и трудам!

Контрксевиль
18 мая 1892

III

Здесь, в тишине задумчивого сада,

Опять, о, ночь, меня застанешь ты,
И все одной душа полна мечты,
Что я калиф, а ты Шехеразада.

Последняя нарушена преграда
Меж миром слез и дольней суеты
И царством грез и горней красоты;
Я твой, о, ночь! Меж нами нет разлада.

Ты шепчешь мне про таинства небес,
И словно я с лица земли исчез,
Отдавшись весь твоей волшебной воле.

Калиф внимал красавице своей,
Но ты одна мне рассказала боле,
Чем в тысячу уведал он ночей.

Штадтгаген
11 июня 1892

IV

Люблю, о, ночь, я погружаться взором
В безоблачность небесной глубины.
Какая чистота! Как с вышины
Ласкаешь ты лазоревым убором!

Ты так светла, что меркнет лик луны,
Пустыней горнею плывя дозором,
И сонмы звезд бледнеющим узором
Двойной зари сияньем спалены.

О, нежная, прозрачно-голубая!
Гляжу, с тебя очей не отрывая,
Лицом к лицу пред тайною твоей.

Дай от тебя, о, ночь, мне научиться
Средь дольней тьмы душою становиться,
Как ты сама, все чище и светлей!

Новгород
21 июня 1899

V

Нет, не туда, о, ночь, в плененном созерцанье
Взор устремляется, где в ризе золотой,
В огнях и пурпуре сокрылся царь дневной,
Багряным заревом пылая на прощанье.

Усталые глаза хотят красы иной:
Там, у тебя они найдут очарованье,
Где кротко теплится нетленное сиянье
И млеет ясною и томной синевою.

От рубежа небес с его зарей огнистой
Я очи возвожу к твоей лазури чистой

И признаю меж нас таинственный союз.

Тебе, о, ночь, тебе, царице светозарной,
С восторгом радости, с молитвой благодарной
Я умиленно душою отдаюсь!

Стрельна
4 июля 1899

VI

Она плывет неслышно над землею,
Безмолвная, чарующая ночь;
Она плывет и манит за собою
И от земли меня уносит прочь.

И тихой к ней взываю я мольбою:
- О, ты, небес таинственная дочь!
Усталому и телом, и душою
Ты можешь, бестелесная, помочь.

Умчи меня в лазоревые бездны:
Свой лунный свет, свой кроткий пламень звездный
Во мрак души глубокий зарони;

И тайною меня обвеяв чудной,
Дай отдохнуть от жизни многотрудной
И в сердце мир и тишину вдохни.

Мраморный дворец
19 сентября 1904

VII

Какой восторг! Какая тишина!
Благоуханно ночи дуновенье;
И тайною истомой усыпленья
Природа сладостно напоена.

Тепло... Сияет кроткая луна...
И очарованный, в благоговенье
Я весь объят расцветом обновленья,
И надо мною властвует весна.

Апрельской ночи полумрак волшебный
Тебя, мой стих мечтательно-хвалебный,
Из глубины души опять исторг.

Цветущую я созерцаю землю
И, восхищен, весне и ночи внемлю...
Какая тишина! Какой восторг!

Павловск
21 апреля 1906

VIII

О, лунная ночная красота,
Я пред тобой опять благоговею.
Пред тишиной и кротостью твоею
Опять немеют грешные уста.

Так непорочна эта чистота,
Так девственна, что омовенный ею
Восторгом я томлюсь и пламенею.
Как эта ночь, будь, о, душа, чиста!

Отдайся вся ее целебной власти,
Забудь земли и помыслы, и страсти,
Дай пронизать себя лучам луны.

И просветленной, бестелесней ночи,
И мира полная, и тишины,
Ты вечности самой заглянешь в очи.

Осташево
17 августа 1909

БУДДА

Годы долгие в молитве
На скале проводит он.
К небесам воздеты руки,
Взор в пространство устремлен.
Выше туч святому старцу
И отрадней, и вольней:
Там к Создателю он ближе,
Там он дале от людей.

А внизу необозримо
Гладь безбрежная кругом
Разлилась и тихо дышит
На просторе голубом;
Солнце ходит, месяц светит,
Звезды блещут; вкруг скалы
Реют мощными крылами
Над пучиною орлы;

Но красою Божья мира
Муж святой не восхищен:
К небесам воздеты руки,
Взор в пространство устремлен.
Он не слышит, как порою
Грозно воеет ураган,
Как внизу грохочут громы
И бушует океан.

Неподвижный, цепenea

В созерцаньи Божества,
Над измученною плотью
Духа ждет он торжества,
Ждет безмолвия Нирваны
И забвения всего,
В чем отрада человека
И страдание его.

С той поры, когда свой подвиг
Стал свершать он, каждый год,
Как шумел крылами в небе
Первых ласточек прилет,
Пташка старцу щебетала,
Что опять весна пришла,
И гнездо в иссохшей длани
Безбоязненно вила.

И в руке его простертой,
Средь заоблачных высот,
Много птенчиков крылатых
Выводилось каждый год.
И уж праведнику мнилось,
Что навеки стал он чужд
Упований и желаний,
И земных страстей, и нужд.

И о них воспоминанья
Отогнуть не может он.
Для того ль он мир покинул,
Звал забвенья вечный сон,
Заглушал борьбою с плотью
Всякий помысел земной,
Чтобы пташки мимолетной
Ждать с ребяческой тоской?

Что же ласточек все ждет он
С нетерпеньем из-за гор?
Разве снег еще не стаял?
Разве года нет с тех пор,
Как последние вспорхнули
И, простясь с родным гнездом,
Белогрудые, в тумане
Потонули голубом?

Иль не все еще живое
Страшный подвиг в нем убил?
Или тщетно истязанье?
Или... Чу! не шум ли крыл?
Он глядит: в лучах восхода
Мчится с дальней стороны
Стая ласточек, - все ближе
Провозвестницы весны,

Ближе!.. Но к нему не вьется
Ни единая из них...
Стая, мимо уплывая,

Тонет в безднах голубых...
И у праведника, руки
Простирающего к ней,
Слезы градом полилися
Из померкнувших очей.

Гатчина
8 декабря 1891

Из цикла "В строю"

УМЕР

Умер, бедняга! В больнице военной
Долго родимый лежал;
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкий недуг доконал...
Рано его от семьи оторвали:
Горько заплакала мать,
Всю глубину материнской печали
Трудно пером описать!
С невыразимой тоскою во взоре
Мужа жена обняла;
Полную чашу великого горя
Рано она испила.
И протянул к нему с плачем ручонки
Мальчик-малютка грудной...
...Из виду скрылись родные избенки,
Край он покинул родной.
В гвардию был он назначен, в пехоту,
В полк наш по долгом пути;
Сдали его в Государеву роту
Царскую службу нести.
С виду пригожий он был новобранец,
Стройный и рослый такой,
Кровь с молоком, во всю щеку румянец,
Бойкий, смысленный, живой;
С еле заметным пушком над губами,
С честным открытым лицом,
Волосом рус, с голубыми глазами,
Ну, молодец молодцом.
Был у ефрейтора он на поруке,
К участи новой привык,
Приноровился к военной науке,
Сметливый был ученик.
Старым его уж считали солдатом,
Стал он любимцем полка;
В этом Измайловце щеголеватом
Кто бы узнал мужика!
Он безупречно во всяком наряде
Службу свою отбывал,
А по стрельбе скоро в первом разряде
Ротный его записал.
Мы бы в учебной команде зимою
Стали его обучать,

И подготовленный, он бы весною
В роту вернулся опять;
Славным со временем был бы он взводным.
Но не сбылись те мечты!
...Кончились лагери; ветром холодным
Желтые сдуло листья,
Серый спустился туман на столицу,
Льются дожди без конца...
В осень ненастную сдали в больницу
Нашего мы молодца.
Таял он, словно свеча, понемногу
В нашем суровом краю;
Кротко, безропотно Господу Богу
Отдал он душу свою.
Умер вдали от родного селенья,
Умер в разлуке с семьей,
Без материнского благословенья
Этот солдат молодой.
Ласковой, нежной рукою закрыты
Не были эти глаза,
И ни одна о той жизни прожитой
Не пролилася слеза!
Полк о кончине его известили, -
Хлопоты с мертвым пошли:
В старый одели мундир, положили
В гроб и в часовню снесли.
К выносу тела в военной больнице
Взвод был от нас наряжен...
По небу тучи неслись вереницей
В утро его похорон;
Выла и плакала снежная вьюга
С жалобным воплем таким,
Плача об участи нашего друга,
Словно рыдая над ним!
Вынесли гроб; привязали на дроги,
И по худой мостовой
Серая кляча знакомой дорогой
Их потащила рысцой.
Сзади и мы побрели за ворота,
Чтоб до угла хоть дойти:
Всюду до первого лишь поворота
Надо за гробом идти.
Дрогам вослед мы глядели, глядели
Долго с печалью немой...
Перекрестились, шапки надели
И воротились домой...
Люди чужие солдата зарюют
В мерзлой земле глубоко,
Там, за заставой, где ветры лишь воют,
Где-то в глуши далеко.
Спи же, товарищ ты наш, одиноко!
Спи же, покойся себе
В этой могилке сырой и глубокой!
Вечная память тебе!

Мыза Смерди

22 августа 1885

Из цикла
"Солдатские сонеты"

I

Новобранцу

Теперь ты наш. Прости, родная хата,
Прости, семья! С военною семьей
Сольешься ты родством меньшого брата,
И светлый путь лежит перед тобой.

Усердием душа твоя богата,
Хоть дремлет ум, объят глубокой тьмой;
Но верность, честь, все доблести солдата
Тебе внушит отныне долг святой.

И прежний мрак уступит дня сиянью:
Все доброе, досель в груди твоей
Дремавшее, пробудится к сознанию;

Когда ж придешь к своим, в простор полей,
Не изменяй высокому призванью
И сей добро на родине своей!

С.-Петербург
11 января 1891

II

Часовому

Взят от сохи, полей вчерашний житель,
Ты на часах сегодня, рядовой,
Недремлющий, терпенья выразитель,
Неколебим, могуч и тверд душой.

Предстань тебе крылатый небожитель
И повели с поста сойти долой, -
Не внял бы ты: лишь тот твой повелитель,
Чьим словом здесь стоишь ты, часовой.

Твоя рука оружия не положит,
Тебя ничто лишить его не может,
Ты лишь Царю отдать его готов.

В глазах толпы пусть твой удел ничтожен.
Нет! На тебя великий долг возложен:
Здесь на посту ты Божий да Царев!

С.-Петербург
13 февраля 1891

III

Пред увольнением

В его глазах прочел я скорбь немую,
Лишь он предстал впервые предо мной:
Семью и дом, и сторону родную
Покинул он для жизни боевой.

Прошли года. Всю силу молодую,
Весь рьяный пыл он в долг влагает свой.
Усердие и простоту святую -
Как не любить в солдате всей душой?

И я люблю с отеческой заботой;
Но сжиться он едва успеет с ротой,
Как подойдет срок выслуженных лет.

Я с ним делил и радости, и горе,
А он - печаль в моем прочтет ли взоре,
Которым я взгляну ему вослед?

Красное Село
26 июля 1890

IV

Полк

Наш полк! Заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старо, для нас - все так же ново
И знаменует нам и братство, и семью.

О, знамя ветхое, краса полка родного,
Ты, бранной славою венчанное в бою!*
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою?

Полк учит нас терпеть безропотно лишенья
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.
Все благородное: отвага, доблесть, долг,

Лихая удадь, честь, любовь к отчизне славной,
К великому Царю и вере православной
В едином слове том сливается: наш полк!

{* Вариант:

О, ветхий наш штандарт, краса полка родного,
Ты, бранной славою увенчанный в бою!}

Красное Село

31 мая 1899

V

Порт-артурцам

Среди громов и молний бури бранной
Твердыни вы незаблемый оплот.
Смерть, в очи вам глядяся непрестанно,
Борцам венцы бессмертия плетет.

О, страстотерпцы! Мукой несказанной
Запечатлен осады грозный год...
За ужасы лишений и невзгод
Блеснет ли вам свободы день желанный?

Вы претерпеть готовы до конца;
Богатырей в вас ожили сердца
С их мужеством, отвагою и рвением.

России слава, гордость и любовь,
За подвиг ваш, страдания и кровь
Мы скорбью платим вам и восхищеньем.

Псков
8 декабря 1904

VI

Кадегу

Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой.
Ты не один: орлиная вы стая.

Настанет день, и, крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой.
Завидна смерть за честь родного края!

Но подвиги и славные дела
Свершать лишь тем, в ком доблесть расцвела:
Ей нужны труд и знанье, и усилья.

Пускай твои растут и крепнут крылья,
Чтоб мог и ты, святым огнем горя,
Стать головой за Русь и за Царя.

Воронеж - Вольск
11 марта 1909

VII

Юнкеру

Ты - что рассвета вешняя заря:
Минула ночь, до дня еще далеко,
Как утра блеск твое сияет око,
Решимостью и удалью горя.

Мир тесен для тебя: вдаль за моря
Стремишься ты, за облака высоко,
И рад сражаться с недругом жестоко
За родину, за веру, за Царя.

Повеет лето за весной прекрасной.
О, встреть его, храня душою ясной
Отвагу, доблесть, мужество и честь;

Чтобы закатом осени холодной
До зимней тьмы стезею благородной
Светильник правды и добра донести.

Полоцк
6 декабря 1910

ВЕЧЕР В ЕГИПТЕ

И. Н. Дараган

Алеет Нил румяным блеском...
Длиннее тени пирамид...
Багряный вал ленивым плеском
С прибрежной пальмой говорит.

Объята заревом пустыня.
Все ниже солнце... Через миг
Надгробья царского твердыня
Сокроет пламеносный лик.

Коснувшись грани мавзолея,
Горит он кругом огненным
И закатился, пышно рдея,
За исполином вековым.

Хелуан
31 декабря 1912